

Департамент Биорегиона.

Что такое биорегионализм?

2021, источник: [здесь](#).

Введение

Биорегионализм — это видение будущего, которое работает на благо людей и Земли.

“ В границах, разделяющих штаты и страны, мало что является естественным. Часто это воображаемые линии, которые являются результатом истории, конфликтов или переговоров. Но представьте, как бы выглядел мир, если бы границы устанавливались в соответствии с экологическими и культурными границами.

— Рэй Стоув

Биорегионализм, пожалуй, отражает одну из самых важных, но наименее известных и понятных философий, которые могут существовать сегодня.

В своей основе биорегионализм стремится укоренить движения, идеи, деятельность, экономику, политику в этих местах, руководствуясь строгой этикой, которая ценит ответственность и подотчетность. Мы начинаем с наших водосборных бассейнов, чтобы заново заселить наши биорегионы и соединиться с традиционным образом жизни коренных народов и знаниями, которые выросли из него. Однажды усвоенный, биорегионализм предоставляет объединяющий набор принципов и методологию организации, а также является мощным инструментом для решения крупных, неотложных глобальных проблем и создания простых, доступных путей для действий и изменений.

Биорегионализм означает жизнь в соответствии с местными традициями. Несмотря на намеренное стирание культур, веками живших вне колониальной или капиталистической системы экономики, основанной на эксплуатации, большая часть истории человечества была биорегиональной. В западных школах мысли биорегионализм возник как движение, этика и идея, которая развивается уже более четырех десятилетий и стремится

использовать природные особенности, такие как горные хребты и реки, в качестве основы для административных единиц, признавая технологии, способы жизни и культуры, которые происходят из места и укоренены в нем, а не произвольные линии на карте.

Биорегионализм действует двумя способами:

Краткосрочный и прагматичный. Работает внутри нашей системы, чтобы принять политику и изменения, которые ведут нас в правильном направлении биорегионализма и прочь от систем, которые активно вредят нашей планете и сообществам.

Долгосрочный и дальновидный. Работает вне нашей системы утопическими, дальновидными и долгосрочными способами.

Биорегионализм — это древний способ восприятия мира. Регионы не ограничиваются воображаемыми прямыми линиями, начертанными людьми, а определяются климатом и рельефом, которые делают эту часть планеты уникальной. Местные формы жизни, культуры, традиции и надежды на будущее отражают то конкретное место на планете, в котором они укоренились.

Используя эти особенности, биорегионализм стремится ограничить добывающую экономическую политику, создать регенеративные культуры, обеспечивающие этические, местные и устойчивые средства производства, а также улучшить и восстановить средства к существованию жителей, живя ответственно в пределах своего места. В совокупности это политический, культурный и экологический набор взглядов, основанный на естественно определенных областях, называемых биорегионами. Деконструкция и разрушение границ, которые являются произвольными, токсичными и нерепрезентативными для нашего места и жителей, является одним из главных приоритетов биорегионализма.

По мнению двух пионеров биорегионализма, *Питера Берга* и *Рэймонда Дасманна*, биорегионы существуют как биокультурные регионы, которые являются «*географической территорией и территорией сознания — местом и идеями, которые сформировались о том, как жить в этом месте*», с особыми характеристиками флоры, фауны, воды, климата, почв и рельефа, а также «*человеческими поселениями и культурами, которые возникли благодаря этим характеристикам*». Отсюда возникает идея биорегионализма — административных единиц, основанных на водоразделах, а не на произвольных линиях на карте, и местных культур, которые развиваются, используя уроки и находясь в равновесии с природными экосистемами, в которых они обитают и будут отличаться для каждой конкретной географической области.

Ключевым принципом биорегионализма является **повторное заселение**, что означает создание более здоровых способов жизни, которые являются ответственными, этическими, не только поддерживают, но и восстанавливают наши местные экосистемы, а также работают с нашими природными экосистемами, согласовывая человеческую деятельность с акцентом на биорегионы, а не на население людей.

Это касается как общественного, так и личного уровня — и начинается с того, что каждый человек развивает чувство принадлежности к месту. Укорениться в истории, в том, что

делает каждый регион особенным — растениях, животных, типах почв, горах и реках. Как все меняется со временем — почему в разных районах выпадает разное количество осадков — и как сельское хозяйство, производство энергии, строительство могут наилучшим образом вписаться в это хорошо продуманным образом.

Для каждого из нас это означает найти время, чтобы укорениться и изучить возможности места. Именно внимательное отношение к местной среде, истории и стремлениям сообщества ведет к устойчивому будущему. Оно опирается на безопасные и возобновляемые источники продовольствия и энергии. Оно обеспечивает занятость, предоставляя широкий спектр услуг в рамках сообщества, перерабатывая наши ресурсы и обмениваясь разумными излишками с другими регионами. Биорегионализм работает над удовлетворением основных потребностей на местном уровне, таких как образование, здравоохранение и самоуправление.

“ Проще говоря, [биорегионализм] означает научиться становиться коренным жителем, приспосабливаясь к конкретному месту, а не приспосабливать место к нашим заранее определенным вкусам. Это жизнь в пределах возможностей и даров, предоставляемых местом, создание образа жизни, который можно передать будущим поколениям.

—Джудит Плант

Что такое биорегиональное движение?

Биорегиональные движения работают над тем, чтобы соединить эти идеи воедино. Чтобы сменить наши границы, модели управления и образ жизни с небioreгиональных на биорегиональные. Одно правительство, одна нация или много правительств и наций в конечном итоге не имеют большого значения, так как каждое сообщество, большое или маленькое, на которое влияет то или иное решение, имеет право голоса в этом вопросе.

Биорегионализм — это, по сути, способ реструктуризации общества для работы в рамках каждого конкретного региона и места, а не преобразования каждого из них в соответствии с потребностями человека.

“ Биорегионализм возникает как ответ на мощные отношения власти в глобальной политической экономике и последующую фрагментацию местности. Он стремится интегрировать экологические и культурные связи в рамках чувствительности, основанной на месте, которая проистекает из ландшафта, экосистемы, водораздела, культуры коренного населения, знаний местного сообщества, истории окружающей среды, климата и географии. Это больше, чем альтернативная структура управления или децентрализованный подход к политической экологии, это глубокое культурное видение, затрагивающее моральные, эстетические и духовные вопросы. Фактически, биорегионализм стремится проникнуть,

проинформировать и заново заселить промежутки современной политической экономики, превращая государства и страны в биомы и водоразделы, изменяя не только границы управления, но и границы восприятия. Действительно, повторное заселение ландшафта является в основном вызовом восприятия, а также гражданственности.

– Митчелл Томашоу

Биорегиональные способы жизни и культуры существуют везде, где культура является регенеративной, вписывается в природные границы и встроена в окружающую среду, а не пытается подчинить окружающую среду потребностям человека. Биорегионализм подчеркивает, что определение биорегиона также является культурным явлением, и делает акцент на местном населении, знаниях и решениях. Это одновременно и общественное, и глубоко личное явление.

Что такое биорегион?

Биорегионы – это естественные страны планеты. Их границы четкие и изрезанные – разломы, горные хребты, в то время как экорегионы внутри них имеют тенденцию смешиваться и сливаться, и их можно обнаружить только путем изучения многих слоев, которые только в совокупности могут дать полную картину. Они представляют собой наибольший масштаб, в котором физические связи имеют смысл. Они могут включать в себя многие нации, сообщества, жителей и экосистемы. Экологические компоненты биорегионов (география, климат, растительный мир, животный мир и т. д.) напрямую влияют на способы поведения и взаимодействия человеческих сообществ, которые, в свою очередь, являются оптимальными для процветания этих сообществ в их среде. Таким образом, эти способы процветания в их совокупности — будь то экономические, культурные, духовные или политические — будут в некоторой степени отличаться как продукт их биорегиональной среды.

Биорегионализм признает, поддерживает, сохраняет и ценит наши местные связи с:

- Землей;
- Растениями и животными;
- Родниками, реками, озерами, грунтовыми водами и океанами;
- Воздухом;
- Семьями, друзьями, соседями;
- Сообществом;
- Традициями коренных народов, образом жизни и суверенитетом;
- Циркулярными и локальными системами производства и торговли;
- Ценит разнообразие каждого места.

Биорегиональная перспектива воссоздает широко распространенное чувство региональной идентичности, основанное на обновленном критическом осознании и уважении целостности наших экологических сообществ.

Люди объединяются со своими соседями, чтобы обсудить способы совместной работы над следующими задачами:

- Узнать, каковы наши особые местные ресурсы;
- Разбить глобальные проблемы на местный уровень;
- Исследовать альтернативные рамки, основанные на естественных границах и рубежах, более репрезентативных для людей, жителей и мест;
- Деконструкция колониальных и нерепрезентативных структур;
- Установление конкретных показателей успеха, включая выбросы углерода и его поглощение;
- Планирование наилучших способов защиты и использования этих природных и культурных ресурсов;
- Обмен нашим временем и энергией для наилучшего удовлетворения наших повседневных и долгосрочных потребностей;
- Обогащение наших и будущих поколений местными и планетарными знаниями.

Почему биорегионализм?

Посмотрите вокруг. Посмотрите на телевизор, на новостные статьи, на дорожные карты и атласы. Прислушайтесь к разговорам наших политиков, наших законодателей. К жарким дебатам, которые сейчас разрывают на части красных и синих, левых и правых, и поймите, что мы являемся свидетелями кульминации сотен лет абсурда. Абсурда, заключающегося в том, что на картах проводятся линии, не имеющие никакого отношения к людям, живущим здесь, не отражающие природные реалии места, историю или культурный контекст, для которых они установлены. Оглянитесь вокруг и поймите, что мы видим конец абсурдной реальности.

Вам не нужно смотреть дальше, чем на сложные проблемы прав на воду, разворачивающиеся вдоль реки Колорадо, засухи, охватывающие части стран, или отдельные штаты и провинции, которые пытаются бороться с недавно разразившимися лесными пожарами, но терпят неудачу, чтобы понять, почему биорегионализм, биорегиональное планирование и мышление имеют решающее значение.

Переходя к тому, что будет дальше, мы имеем возможность создать что-то новое.

В своей основе биорегионализм просто стремится укоренить движения, идеи, деятельность, экономику, политику в этих местах, руководствуясь сильной этикой, которая ценит ответственность и подотчетность. Мы начинаем с наших водосборных бассейнов, чтобы заново заселить наши биорегионы и соединиться с коренными способами жизни и знаниями, которые выросли из них. Однажды усвоенный, биорегионализм предоставляет объединяющий набор принципов и методологию организации и является мощным инструментом для решения крупных, неотложных глобальных проблем и создания простых, доступных путей для действий и изменений.

Многие из крупнейших проблем, с которыми сталкивается наше общество сегодня, носят системный характер и распространяются через социальные, культурные, экономические и физические средства. Однако в рамках нынешних национальных и международных структур эти проблемы становятся фрагментированными, слишком большими или слишком отдаленными, чтобы с ними можно было бороться в полном объеме.

Будь то наводнения, лесные пожары, засухи, ледяной покров, готовность к стихийным бедствиям и реагирование на них, стратегии роста, экономическая интеграция, планирование транспорта, энергетическая независимость, окружающая среда и устойчивость, продовольственная независимость — все эти проблемы будут решаться в рамках биорегиональной структуры. Деля водоразделы, мы все должны иметь возможность влиять на изменения, и то, что делает одно сообщество, будет влиять на сообщества, расположенные ниже по течению.

Изменение климата, закисление океанов. Огромные проблемы, которые часто кажутся далекими, неосязаемыми, а их последствия и решения труднодостижимы для человеческого разума. Ни одна из этих проблем не будет решена исключительно с помощью политической кампании в одной стране. Проблема выбросов углерода никогда не будет решена только путем решения экономических вопросов. На местном уровне такие проблемы, как снятие плотин на реках Снейк или Колумбия, никогда не смогут быть решены только одним штатом.

И все же, сосредоточившись на международном уровне, многие усилия вынуждены делать именно это, либо работая над решением проблем, которые настолько масштабны, что становятся неосязаемыми, либо работая в рамках политических структур, являющимися произвольными, фрагментированными и не действительно представительными для людей или местности. На самом деле, те, кто борется с этими проблемами, часто вынуждены разбивать их на части и пытаться решать по отдельности (глобальное потепление, потребительство, бедность, здравоохранение или социальные проблемы, такие как труд, идентичность или гендер, экологизм, расовое равенство и т. д.), что часто может быть непосильной задачей, слишком обширной или требующей такого уровня детализации, который усиливает те самые системы, которые они должны были разрушить. При таком разбиении каждая проблема сама по себе не может дать полной картины, а также не затрагивает системные корни или социальный контекст, объясняющие, почему эти проблемы существуют в нашем обществе сегодня.

Попытка сосредоточиться на одном из этих аспектов, игнорируя другой, обречена на провал. Вместо того, чтобы заменять какую-либо конкретную идеологию или предлагать единственное решение, биорегионализм связывает доминирующие философские концепции и ищет способы их существования, которые были бы благотворны для благополучия людей, жителей и планеты.

Вместо подхода, основанного на решении отдельных вопросов, необходимо применять целостный подход, и биорегионализм дает ответ на этот вопрос, служа физическим контейнером, который связывает глобальное с локальным, а также пространством сознания, которое связывает нас с тем образом жизни, который люди ведут уже тысячи лет.

Биорегионы — это место, где мы действуем, самый большой и эффективный масштаб, где все еще сохраняются культурные связи места, и позволяют нам разбить широкие, неконкретные и неосязаемые идеи на подход, где каждый человек может выйти за дверь и достичь измеримого результата.

Независимо от того, какова ваша цель, существует биорегиональная структура, в которой мы можем ее обсудить. Как выращивать продукты питания на местном уровне, создавать более демократические структуры, которые могут быть целостными для всего водосборного бассейна, разрабатывать региональные стратегии борьбы с бедствиями, такими как засуха, наводнения, лесные пожары или землетрясения. Какие стратегии роста имеют наибольший смысл и как мы можем строить в каждой области таким образом, чтобы наилучшим образом использовать природные реалии каждой местности...

Будучи движением, основанным на местности и региональной идентичности, биорегионализм приглашает представителей различных политических убеждений и происхождения работать вместе на основе общих принципов и ценностей. Эта культурная экосистема так же богата, как и экосистемы, которые она представляет. Среди них могут быть либертарианцы, социалисты, консерваторы, анархисты, зеленые, коммунисты и многие другие, так же как могут быть гетеросексуалы, лесбиянки, геи, богатые, бедные, люди разных рас, молодые, пожилые. Биорегионалисты разного пола и с разными способностями, все работающие над улучшением нашего региона, потому что мы любим его, считаем, что можем сделать его лучше, и руководствуемся принципами биорегионализма.

В отличие от многих других «измов», которые стремятся предложить единственное решение, централизовать власть и полномочия или взять под контроль центральную власть для «правильного решения» (революция), биорегионализм рассматривает это неразнообразие как нерепрезентативное по своей сути и стремится вернуть власть (децентрализация) управлению водоразделами, вписываясь в межбиорегиональную систему партнерств и систем добровольной взаимопомощи, общих принципов, обмена и поддержки.

Национальная политика, основанная на произвольных границах, которые не связаны между собой и игнорируют территории, на которых они установлены, не является представительной для места или народа, и не может надеяться на достижение подлинно демократического или независимого общества. Кроме того, она создает спорные вопросы, сосредачиваясь на небольшом проценте вещей, которые нас разделяют, являются токсичными и негативными и столь же произвольными, результатом национальной политики, случайностями истории и продуктами систем, неточно отражают народ или место.

Мы все любим этот регион, хотим лучшего будущего для наших друзей, семьи и общества, и у нас больше общего, чем различий. Благодаря созданию более широких демократических и естественных рамок, отражающих регион и людей, сообщества могут лучше реализовывать общие ценности, интересы и достигать консенсуса в отношении общего будущего.

Биорегионализм фокусируется на проблеме отрыве людей от их природных регионов в результате широкого спектра экономических и политических философий, на проблеме

отношения к людям как к простым экономическим единицам. Если мы посмотрим на три крупнейшие политические идеологии XX и XXI веков — капитализм, социализм, коммунизм — то каждая из них несет ответственность за худшее экологическое разрушение и опустошение, которое когда-либо видел мир, приведя к шестому массовому вымиранию в истории Земли, происходящему в наше время. Каждое из этих обществ могло достичь политической и экономической утопии, но при этом все равно наносило этот ущерб. В конечном итоге, даже если бы утопическое общество было достигнуто, продолжительность жизни, проблемы со здоровьем и болезни, а также другие последствия стандартизации сельскохозяйственных культур и других видов унификации привели бы к целому ряду проблем, которые снизили бы благосостояние сообществ и их водосборных бассейнов.

Многие из бедствий в нашем мире являются результатом этой политической монокультуры: переноса идей или ценностей из одного водосборного бассейна или сообщества в другое, способом, не связанным с этим местом. Системы колонизации опираются на фрагментацию регионов и сообществ, создавая зависимость от товаров и услуг, предоставляемых колонизаторами. Из-за этого угнетение может существовать и проявляться в наших собственных сообществах, движениях и действиях, как сознательно, так и бессознательно, а также в институтах, на которые мы часто полагаемся.

Природа действует на биорегиональном уровне. Сегодня, как никогда ранее, становится все более важной способность действовать на региональном и глобальном уровнях взаимосвязанным образом.

Укореняясь в нашем биорегионе и доме, создавая не эксплуатирующие и аутентичные сообщества, глядя на себя через призму истории, занятого нами пространства, тонких сил и привилегий, которыми мы можем пользоваться, не осознавая этого... мы начинаем путь к более здоровым сообществам и более здоровой жизни. В таких системах биорегионализм является мощной силой для системного устранения этих проблем и создания диалога с возможностью истинного примирения.

История биорегионализма

Биорегионализм — это философия и идея, которая на протяжении тысячелетий была доминирующим образом существования сообществ по всей планете. В западной мысли эта идея восходит к натуралистам, основанным на правах биоэтики, таким как Альдо Леопольд, а также к различным течениям спиритуализма, романтизма, анархизма, феминизма и региональной географии, восходящим к XIX и XX векам.

От контркультуры к биорегиональной культуре, основанной на месте

В Соединенных Штатах биорегионализм связан с контркультурой Сан-Франциско 1960-х годов, возникшей из таких групп, как диггеры, и их усилиями по обеспечению сообществ едой, одеждой и поддержкой, а также через уличный театр, распространение

широкомасштабных газет и журналов и появление коммун, возникавших по всей территории.

Термин «биорегионализм» был придуман *Алленом Ван Ньюкирком*, первое письменное упоминание которого появилось в журнале в 1975 году, а позже он основал Институт биорегиональных исследований в Новой Шотландии. Однако это раннее определение все еще не включало человеческие культуры, и только после того, как *Питер Берг* посетил регион в рамках автомобильного путешествия в 1972 году, незадолго до отправления на Конференцию Организации Объединенных Наций по окружающей среде в Стокгольме, термин был полностью переработан, чтобы включить в него людей и культуры. Конференция ООН была первой мировой конференцией, где экология стала одной из главных тем, и Питера поразили не страны, собравшиеся в залах, а общие идеи, объединяющие людей со всего мира на улицах перед зданием конференции. Он провел большую часть времени, снимая эти события, черпая вдохновение в том, что позже назвал глобальным «планетариумом».

Питер Берг вернулся из этой поездки в Сан-Франциско, где в 1973 году вместе с *Джуди Голдхафт* основал фонд *Planet Drum*, организацию, в течение следующих пятидесяти лет являющейся важным голосом в области биорегиональных исследований.

“ Я сомневаюсь, что многие люди с легкостью смотрят в будущее... или верят в нашу способность защитить и сохранить сети растительной и животной жизни, от которых в конечном итоге зависит будущее человечества. Я также не верю, что многие из нас считают, что надежда на будущее заключается в дополнительных исследованиях или в каких-то технологических решениях человеческой дилеммы. Уже проведенные исследования привели к открытию истин, которые, как правило, игнорируются. Мы подходим к концу технологических решений, каждое из которых порождает новые и зачастую более серьезные проблемы. Пришло время вернуться к изучению земли, воды и жизни, от которых зависит наше будущее, а также к тому, как люди взаимодействуют с этими элементами.

Рэймонд Дасманн, 1975

Важность интеграции сообществ и отдельных людей в место и местность имеет ключевое значение, как и концепция «повторного заселения», упоминавшаяся ранними биорегионалистами Питером Бергом и Рэймондом Дасманном. В отличие от многих течений экологизма, Берг и Дасманн поставили озеленение городов и технологии в центр стратегии повторного заселения, признавая, что большинство людей будут продолжать жить в них. Идея заключается не в том, как отделить и изолировать дикие природные территории, а в том, как сделать наши города дикими, чтобы мы стали частью нашей окружающей среды, а не отделились от нее.

Биорегионализм зародился в культурно неспокойные десятилетия между 1950 и началом 1970-х годов. Эта эпоха, обычно называемая «1960-ми», широко воспринимается как период, когда социальные, религиозные и политические конвенции столкнулись с поколением

«бэби-бума» после Второй мировой войны. Конфликт разрастался благодаря значительно расширенной системе высшего образования. Начиная с конца 1940-х годов с появлением североамериканской версии поколения битников, длинная серия взаимосвязанных движений за социальные изменения оживлялась студенческой контркультурой. К концу этого периода в Северной Америке насчитывалось десятки тысяч ветеранов-активистов социальных изменений, имевших опыт участия в различных движениях, включая движения за гражданские права, против войны, за мир, феминизм, охрану природы и соответствующие технологии.

Социальный историк *Теодор Розак* дал им следующую точную характеристику:

“ В лучшем случае эти молодые богемы являются потенциальными пионерами-утопистами мира, лежащего за пределами интеллектуального восприятия Великого общества. Они стремятся создать культурную основу для политики Нового левого движения, открыть новые типы сообществ, новые модели семьи, новые сексуальные нравы, новые виды жизнедеятельности, новые эстетические формы, новые личностные идентичности за пределами политики власти, буржуазного дома и потребительского общества.

Когда 1960-е годы и война во Вьетнаме подходили к своему одновременному завершению, наступил период распада и самоанализа. Параллельно с диаспорой поколения «беби-бума» после окончания университета, в сельских регионах и маргинальных городских кварталах Северной Америки происходило параллельное явление социальных изменений. Среди жителей этих сообществ сформировалось новое осознание того, что человеческие и природные ресурсы эксплуатируются с ускоряющейся скоростью, не приводя к улучшению социального и экологического качества жизни. По мере того как сотни местных инициатив восставали против этого обнищания, часто с участием новых представителей движения «назад к земле», борцов за гражданские свободы и городских пионеров из активистского сообщества 1960-х годов в качестве катализаторов, постепенно сформировалась новая синтетическая цель.

Социальное движение было связано с политикой родного края. Именно в этой связи биорегионализм был сначала неофициально задуман, а затем стал важной эволюцией в вековой борьбе за баланс между экономическим прогрессом, движимым машинами, и культурной и экологической устойчивостью.

Предварительное выражение

Призыв к созданию новых «коренных активистских культур» после 1960-х годов можно проследить в письменных работах двух человек — *Питера Берга* и *Гэри Снайдера*. Он основывался на идее, что успешный рост социально справедливых культур, укорененных в защите и восстановлении здоровья экосистем, требует глубокого понимания культурных традиций. Путь в будущее можно найти, адаптируя генетически знакомые способы жизни, практикуемые предками и выжившими коренными народами, а не превращая людей в

бесконечно заменяемые винтики в машине. Здесь акцент делается на «связи с экологией» вместо национального государства; на локальных ритуалах вместо потребительского Рождества; на прикосновениях, песнях и совместном опыте вместо наркоза, вызванного монокультурой, основанной на контенте.

Гэри Снайдер

Снайдер наиболее известен как поэт, лауреат Пулитцеровской премии и ключевой участник Сан-Францисского ренессанса, проявления бит-поколения на Западном побережье. Менее известно, что позднее он стал чрезвычайно важным связующим звеном между Сан-Францисским ренессансом и политической контркультурой. Адаптация Снайдером прото-биорегионализма впервые проявилась в его поэзии, а позднее, в более интегрированном виде, в широко распространенном эссе 1969 года под названием «Четыре изменения». В нем Снайдер отмечает, что только полная трансформация принесет значительную пользу. Это подтверждается в его интервью Ричарду Гроссингеру для журнала IO, в котором он связывает политику и экологию как основополагающие факторы, необходимые для создания новой связи между социальным активизмом и устойчивым образом жизни и средствами к существованию.

“ Мы привыкли принимать политические границы округов и штатов, а затем и национальные границы, как некое региональное определение; и хотя в некоторых случаях эти границы имеют определенную обоснованность, я думаю, что во многих случаях, и особенно на Дальнем Западе, они зачастую являются произвольными и служат только для того, чтобы запутать людей в их представлениях о естественных связях и отношениях.

Итак, для штата Калифорния... изначально для нас было наиболее полезно посмотреть на карты в «Справочнике по индейцам Калифорнии», иллюстрировавшем распределение первоначальных индейских культурных групп и племен (культурных зон), а затем сопоставить их с другими картами из "Kroeber's Cultural" и "Natural Areas of Native North America"... и просто сопоставить пересечения между ареалами определенных типов флоры, между определенными типами биомов, климатическими зонами и культурными зонами, чтобы получить представление об этом регионе, а затем посмотреть более или менее физические карты и изучить водосборные бассейны, чтобы получить более четкое представление о том, что такое водосборные бассейны, и сопоставить их.

Все это упражнения, направленные на выход нашего мышления за рамки политических границ или любых привычных или устоявшихся представлений о региональных различиях... мы должны научиться понимать, что такое регион и что возможно в пределах региона, а не бесконечно предполагать, будто всегда возможно произвольное распределение товаров и транспортировка на большие расстояния.

Питер Берг

Питер Берг, на семь лет младше Гэри Снайдера, переехал на постоянное жительство в Сан-Франциско в начале 1960-х годов и к 1965 году стал активным участником местной экспериментальной театральной сцены. Отточив свои навыки в качестве радикального актера уличного театра и драматурга в легендарной труппе San Francisco Mime Troupe, он стал одним из основателей легендарной группы «Diggers», анархо-политического сознания хиппи-сообщества Хейт-Эшбери.

Он стал плодовитым автором серии из сотен брошюр, известных под общим названием «Digger Papers». Они бесплатно распространялись в районе Хейт-Эшбери с осени 1965 года до конца 1967 года. С 1967 года Берг поддерживал продуманную двойную приверженность борьбе против машинной культуры и альтернативы биорегионального характера. Он инициировал метаморфозу Diggers в движение «Свободный город» и сыграл важную роль в создании и распространении трех легендарных плакатов Planetedge, поспособствовавших необратимому связыванию радикальной политики Нового Левого движения и экологического сознания.

Берг и танцовщица/актриса Джуди Голдхафт стали партнерами в конце 1967 года, затем переехали в коммуну Black Bear в регионе Кламат в северной части Калифорнии, известном как центр интенсивных социальных экспериментов. В конце 1971 года пара отправилась в путешествие по Северной Америке, посещая различные контркультурные сообщества и снимая на видео их жизнь. Окончательная эволюция прото-биорегиона произошла в 1972 году, когда Берг посетил первую Конференцию Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей среды человека в Стокгольме. Бросая вызов основной повестке дня конференции, а также встречаясь и действуя совместно с местными активистами со всего мира, Берг сформулировал цели своей жизни. В Стокгольме проявилась общая глобальная тенденция сопротивления и децентрализованных политических устремлений — со стороны народов этнических регионов Европы, сохранивших коренных культур, разбросанных по всей планете, и новых региональных культур Северной Америки.

В 1973 году Берг и Голдхафт поселились в Сан-Франциско, где работали над укоренением принципов биорегионализма в толерантной культурной среде контркультурного общества района залива. В 1973 году они основали фонд Planet Drum Foundation - центр обмена информацией по широкому спектру биорегиональных публикаций и организационной деятельности.

В период с 1973 по 1979 год фонд Planet Drum Foundation курировал издательство девяти сборников сочинений о биорегионализме. Каждое собрание состояло из различных отдельно напечатанных стихов, полемических статей, плакатов и эссе.

Первые два выпуска этих эклектичных сборников не были посвящены какому-либо конкретному месту. Позже они стали отражать жизнь и культуру конкретных биорегионов, включая северное побережье Тихого океана, Скалистые горы и бассейн реки Гудзон. В 1978 году фонд Planet Drum опубликовал антологию знаний под названием «Reinhabiting a Separate Country: A Bioregional Anthology of Northern California» (Возвращение в отдельную

страну: биорегиональная антология Северной Калифорнии).

В тот же период Frisco Bay Mussel Group (FBMG), низовая организация, действовавшая в 1975–1979 годах, стала, пожалуй, самым важным инкубатором ранней биорегиональной мысли и практики. Брошюра FBMG «Living Here» (1977) показывает, как интеллектуальное восприятие места в роли центра устойчивого социального изменения впервые было связано с реальной биорегиональной территорией. В «Living Here» особое внимание уделяется уважению к способности доисторических человеческих сообществ адаптировать культуру к месту.

Это глубоко укоренившееся уважение к мышлению и народам коренных народов является основополагающим принципом биорегионализма. В этот период такие личности, как *Фриман Хаус*, *Дэвид Симпсон*, *Майкл Хелм*, *Питер Койот* и многие другие, обсуждали, соглашались, действовали и праздновали, глубоко знакомясь с биорегиональной мыслью и практикой.

В 1979 году Фонд Planet Drum начал издавать два раза в год сетевой журнал Raise The Stakes (RTS). Благодаря стильному дизайну и интересной смеси теоретических, практических и справочных материалов, RTS остается незаменимым местом встречи для высоко децентрализованного биорегионального сообщества активистов. Анализируя разнообразие и качество организационной работы, проделанной Бергом, Голдхафтом и их многочисленными коллегами в период с 1967 по 1979 год, можно отметить их целенаправленную и неуклонную решимость познакомить с биорегионализмом более широкую аудиторию. Эта необычайная приверженность, сохранившаяся и по сей день, является фактором, имеющим решающее значение для успеха разнообразного биорегионального движения.

Распространение за пределы родного сообщества

Биорегионализм распространился на север, в штаты Вашингтон и Орегон, благодаря выдающимся работам *Фримена Хауса* и *Джеремии Горслийна*. Невозможно переоценить важность такого широкого распространения темы «место-политика-экология». Хаус, друг и соратник Берга и Снайдера, написал свое эссе «*Тотемный лосось*» после того, как переехал из Сан-Франциско, чтобы заниматься коммерческим ловом лосося в Ла-Коннере, штат Вашингтон:

“ Лосось — тотемное животное Северного Тихоокеанского побережья. Только лосось, как вид, сообщает нам, людям, как виду, о безграничности и единстве Северного Тихого океана и его побережья. Погребенные воспоминания о древних миграциях человечества, слабые абстракции нашей географии, наши усилия по созданию науки о биологии не дают нам представления о силе и благодати нашего места. Тотемизм — это метод восприятия силы, добра и взаимозависимости в местности через признание и уважение жизненной силы, духа и взаимозависимости других видов. В случае с побережьем Северного Тихого океана ни один другой вид не дает нам такой информации, как лосось, чьи миграции определяют границы

Распространение биорегионализма за пределы западного побережья Северной Америки было обеспечено, когда *Гэри Лоулесс* вернулся в свой дом в штате Мэн после пребывания в Калифорнии с Бергом и Снайдером. Лоулесс, одаренный поэт и владелец книжного магазина, подготовил антологию стихов, вдохновленных этим местом, интервью, традиционных песен, очерков по естественной истории и фотоэссе. Он самостоятельно опубликовал антологию под названием «*The Gulf of Maine: Blackberry Reader One*» (1977). Эта работа показывает, что биорегионализм можно переносить из одного региона в другой.

Теперь, прочно укоренившись на обоих побережьях континента, биорегиональные подходы начали постепенно распространяться вглубь материка, принимаясь и адаптируясь для удовлетворения потребностей тех, кто искал философскую основу, под которой можно было бы организовать свои усилия, ориентированные на конкретное место.

Слияние и вдохновение словарного запаса

Термин «биорегионализм» впервые введен в оборот *Алленом Ван Ньюкирком*, активным участником в радикальной политике на востоке США. Аллен встретил Питера Берга в Сан-Франциско в 1969 году, а затем снова в Новой Шотландии в 1971 году. В 1974–1975 годах, уже прочно обосновавшись в Канаде в качестве эмигранта, Ван Ньюкирк основал *Институт биорегиональных исследований* и опубликовал серию коротких статей. По замыслу Ван Ньюкирка, биорегионализм представляет собой технический процесс идентификации «*биогеографически интерпретируемых культурных зон... называемых биорегионами*» (Van Newkirk 1975). В пределах этих территорий проживающее там население будет «*восстанавливать разнообразие растений и животных*», «*содействовать сохранению и восстановлению диких экосистем*» и «*открывать региональные модели для новых и относительно произвольных масштабов человеческой деятельности в связи с биологическими реалиями природного ландшафта*» (там же). Четких подробностей о том, как эти действия могли бы быть осуществлены, Ван Ньюкирк не привел, и с 1975 года практически не оказал никакого влияния на идею, которую он сам и назвал.

Концепция биорегионализма значительно прояснилась в 1977 году, когда Берг и известный эколог и историк культуры Калифорнии *Рэймонд Дасманн* совместно написали «*Reinhabiting California*» («*Повторное заселение Калифорнии*»), первую классическую полемическую работу по биорегионализму.

Статья была первоначально написана и опубликована Бергом под названием «*Стратегии повторного заселения биорегиона Северной Калифорнии*» (Berg 1977). Вскоре после этого, по совету Дасманна он отправил статью для публикации в влиятельном журнале «*Эколог*». После того, как статья была возвращена, Берг и Дасманн совместно провели ее основательную переработку.

Синтезировав опыт передового активиста, работающего на местах, с опытом эколога-путешественника и опытного академического автора, биорегиональное видение продемонстрировало, что оно является не просто малоизвестной частью бурно

развивающегося экологического движения 1970-х годов. Влияние Дасманна очевидно.

Во время работы с Бергом Дасманн завершал семилетний процесс, спонсируемый Организацией Объединенных Наций, по выявлению и картографированию взаимодействия биофизических явлений, создающих взаимосвязанные биогеографические территории по всей планете. Дасманн также был автором многих вдохновляющих и интеллектуально строгих книг, наиболее примечательными из которых являются «Разрушение Калифорнии» (1965) и «Охрана окружающей среды» (1984) - учебник, по вопросам, связанным с теорией и практикой «устойчивого развития».

С 1977 года, объединив свои очень разные взгляды, Берг и Дасманн с уверенностью формулируют непреложные принципы биорегионализма, объясняя значение новых слов, несущих в себе простой, но мощный смысл:

“ Жизнь на месте означает следование потребностям и удовольствиям жизни, уникальным образом представленным изначально в конкретном месте, и развитие способов обеспечения долгосрочного проживания в этом месте. Общество, практикующее жизнь на месте, поддерживает баланс со своим опорным регионом через связи между человеческими жизнями, другими живыми существами и процессами планеты — сезонами, погодой, водными циклами — как это проявляется в самом месте. Это противоположность общества, которое зарабатывает на жизнь краткосрочной разрушительной эксплуатацией земли и жизни. Жизнь на одном месте есть древний способ существования, нарушенный в некоторых частях мира несколько тысячелетий назад с появлением эксплуататорской цивилизации, а в более общем плане — в течение последних двух столетий с распространением индустриальной цивилизации. Однако ее не следует рассматривать как противоположность цивилизации в более гуманном смысле этого слова, а скорее как единственный способ поддержания настоящего цивилизованного существования.

Повторное заселение означает научиться жить на месте в районе, разрушенном и поврежденным в результате эксплуатации в прошлом. Оно предполагает формирование места коренным жителем через осознание особых экологических взаимоотношений, действующих внутри него и вокруг него. Это означает понимание деятельности и развивающегося социального поведения, которое будет обогащать жизнь этого места, восстанавливать его системы жизнеобеспечения, установит экологически и социально устойчивую модель существования. Проще говоря, - подать заявку на членство в биотическом сообществе и перестать быть его эксплуататором.

Биорегион относится к географической местности и к местности сознания — к месту и идеям, сложившихся о том, как жить в этом месте. Внутри биорегиона условия, влияющие на жизнь, схожи, и это, в свою очередь, повлияло на его заселение людьми.

Биорегион можно определить сначала с помощью климатологии, физиографии, географии животного и растительного мира, естественной истории и других описательных естественных наук. Окончательные границы биорегиона лучше всего описывают люди, жившие в нем, через человеческое признание реальности жизни в этом месте. Вся жизнь на планете взаимосвязана несколькими очевидными способами и многими другими, которые остаются едва исследованными. Но между живыми существами и факторами, которые на них влияют, существует явная резонансная связь, возникающая конкретно в каждом отдельном месте на планете. Обнаружение и описание этой резонансной связи — лучший способ описать биорегион.

Заявив, что «родное место» определяют не ученые, а его жители, биорегионализм навсегда отрезал себя от более стерильной биогеографии. Понимая, что биорегиональное управление может быть установлено только снизу вверх, биорегиональное движение оказалось в неминуемом противоречии с бюрократическими центральными правительственными учреждениями. Никакие мелкие реформы не могли успокоить биорегиональных избирателей, веривших в глубине души, что демократически определенное и экологически децентрализованное управление является их неотъемлемым правом.

Берг и Дасманн объясняют, как можно определить границы биорегиона Северной Калифорнии. Их окончательный вывод заключается в том, что «Альта Калифорния» должна быть признана, как с культурной, так и с экологической точки зрения, отдельным штатом. Данное заявление свидетельствует, что биорегионализм имеет идентичность деволюционного политического движения и современной земельной этики.

Берг использовал опыт, полученный в результате интенсивных исследований и практической деятельности в области биорегионализма, для написания или участия в написании важных эссе, в том числе «*Amble Toward Continent Congress*» (1976), «*Devolving Beyond Global Monoculture*» (1981), «*Больше, чем спасение того, что осталось*» (1983), «*Развитие политики жизненного пространства*» (1986) и «*Программа зеленого города для района залива Сан-Франциско и за его пределами*» (Берг, Магилави и Цукерман, 1990).

Привлечение внимания литературного, интеллектуального и художественного авангарда

В постоянном поиске новых способов выражения сути и опыта биорегионализма, следует также отметить ключевых участников других связанных социальных и культурных движений.

Поэты *Гэри Лоулесс* (1977; 1994) и *Джерри Мартиен* (1982; 1984) преобразовали повседневный опыт в кристально ясные уроки о том, как «видеть» место, в котором вы живете. Социальный эколог *Мюррей Букчин* (1982), философы *Теодор Розак* (1975) и *Моррис Берман* (1981) подвергли критике глобалистский статус-кво и проложили путь к новому восприятию духовной и культурной интеграции.

Эссеисты/автобиографы *Стефани Миллс* (1989) и *Венделл Берри* (1977) использовали знаковые события из своей жизни, чтобы проиллюстрировать вызовы и возможности «жизни на месте». Романы «Экотопия» *Эрнеста Калленбаха* (1975; 1981) ярко изобразили, как можно создать и поддерживать общества, основанные на биорегионах.

Выступления церемониальных танцоров *Джуди Голдхафт*, *Элисон Лэнг*, *Фрейзер Лэнг*, *Джейн Лапинер*, а также актера *Боба Кэрролла* оживили объединяющую тотемическую силу циклов воды и лосося таким образом, который не мог бы содержать ни одно сухое научное описание. Эти люди, а также многие другие, предоставили начинающим активистам социальных изменений после 1960-х годов ряд привлекательных путей доступа к биорегиональному восприятию и практике. Рассказывание историй, древние и новые ритуалы, создание мифов, театр, танец, поэзия и проза — все это стало языками биорегионального самовыражения.

Артикуляция как единая теория, основанная на практике

В 1981 году писатель и переселенец на северное побережье Калифорнии *Джим Додж* обобщил значительный объем биорегиональных идей и внес, пожалуй, самое убедительное объяснение биорегиональной концепции. В короткой статье под названием «*Жить жизнью: некоторые биорегиональные теории и практики*» Додж начинает с краткого изложения трех основных ценностей, лежащих в основе биорегионализма: важность природных систем как ориентира для человеческой деятельности, опора на анархическую структуру управления, основанную на взаимозависимости самодостаточных и объединенных сообществ, и переоткрытие связей между природным миром и человеческим разумом. Додж выходит на новую территорию, определяя биорегионализм как нечто большее, чем философия жизни:

“ Теории, идеи, понятия — они имеют свои созидательные и восстановительные ценности и, безусловно, свою прелесть, но без осязаемого интеллекта практики они остаются парящими в нижних слоях изящного развлечения или деградируют до ярких модных веяний и развлечений... Практика есть тем, что заставляет сердце работать. Если теория устанавливает правила игры, то практика — это азартная игра.

Джим Додж 1981:10

Затем Додж выделяет две широкие категории биорегиональной практики: сопротивление и обновление. Сопротивление направлено против «*продолжающегося уничтожения диких систем*» и «*безжалостной однородности национальной культуры*». Обновление — это «*глубокое знание того, как работают природные системы, тонкое восприятие конкретных мест, разработка соответствующих технологий и тяжелый физический труд, когда вечером хочется только в постель*».

Добавив это критическое обсуждение практики к тому, что в противном случае было бы еще одним утопическим манифестом «нового левого» или «сельского популиста», Додж

освещает наиболее мощную характеристику биорегионализма: это идеал, который постоянно формируется и расширяется через опыт. Широкая практика, порождающая теорию, а не теория, застрявшая только в интеллектуальных размышлениях и дебатах.

Открытый и эгалитарный процесс определения биорегионализма, с примерами трудов Доджа в "Living By Life", был продолжен на страницах ранее упомянутого журнала "Raise The Stakes", издававшегося два раза в год и впервые был опубликован Planet Drum Foundation в 1979 году. Питер Берг, Джуди Голдхафт и меняющийся состав художников, поэтов, писателей и корреспондентов создали регулярное место встречи для широко рассеянного биорегионального сообщества.

Авторов и корреспондентов поощряли объяснять свою биорегиональную точку зрения и давали им возможность вносить свое мнение и опыт в формирующийся микс. Один из наиболее примечательных выпусков "Raise The Stakes", отредактированный Доджем, включает материалы семнадцати авторов с самокритикой в отношении различных аспектов биорегионализма. Способность публично и конструктивно исследовать успехи и слабости иллюстрирует тот факт, что концепция биорегионализма развивается через процесс адаптации, обусловленный местом и контекстом.

Выражение методов прикладной практики

Фонд Planet Drum сыграл важную роль в продвижении следующего современного развития теории и практики биорегионов. В серии из четырех коротких брошюр, написанных в период с сентября 1981 года по январь 1982 года, были сформулированы концепции, ориентированные на практическое применение биорегиональной концепции.

«Возобновляемая энергия и биорегионы: новый контекст для государственной политики» (Berg and Tukul 1980) представляет биорегион территориальным контейнером, в чьих пределах можно наилучшим образом обеспечить энергетическую самодостаточность.

«Возрождение городов и поселков: проектирование с учетом принципов устойчивого развития» (Todd and Tukul 1981) исследует практику экологического проектирования, особенно в отношении модернизированных городских центров с различными соответствующими технологическими системами поддержки.

В книге *«Фигуры регулирования: руководства по восстановлению баланса между обществом и биосферой»* (1982) Берг предлагает метод развития «обычаев», способствующих эволюции образа жизни, сознательно адаптированного к ограничениям и возможностям локальных экосистемных процессов. В совокупности эти «фигуры регулирования» будут регулировать человеческие общества, основанные на биорегионах, без идеологического, правового или религиозного принуждения.

Последняя из небольших книг, озаглавленная *«К биорегиональной модели: подготовка почвы для планирования водоразделов»* (Tukul 1982), описывает процессы планирования и проектирования для расшифровки параметров экологической емкости. С их помощью «Фигуры регулирования» будут направлять культурную и экономическую деятельность в

любом биорегионе.

Слияние двух концепций — «фигуры регулирования» и «биорегиональной модели» — Берг выражает следующим образом:

“ «Цифры регулирования» — рабочий термин для обозначения новых эквивалентов обычаев, которые нам необходимо усвоить. Позднее индустриальное общество с его неуместной верой в технологические решения (проблем, вызванных в первую очередь неограниченным применением технологий) вышло из-под контроля. Наш социальный организм похож на страдающий от повреждений эмбрион, но нет внутренних механизмов контроля над нашей деятельностью для восстановления баланса с возможностями природных систем. Фигуры регулирования включают в себя концепцию, где индивидуальные потребности и потребности общества связаны с жизненными процессами биорегиона. Биорегиональная модель может определить точки равновесия в наших взаимодействиях с природными системами, а фигуры регулирования - направлять или ограничивать деятельность для достижения равновесия.

Региональный и континентальный конгресс

В середине 1980-х годов в биорегиональном движении произошла значительная эволюция, благодаря организаторским способностям фермера и активиста в области соответствующих технологий Дэвида Хенке. В конце 1970-х годов Хенке и небольшая группа преданных своему делу коллег сыграли важную роль в создании Озаркского регионального общественного конгресса (ОАСС), первой широкомасштабной биорегиональной организации. Ежегодный конгресс ОАСС, проводимый с 1980 года, стал образцом для практического применения биорегионализма, ориентированного на местные условия и основанного на конкретных местах. По мере распространения информации об успехе ОАСС, подобные организации появились сначала в Канзасе, а затем по всему континенту. Во многих случаях представители вновь организованных биорегионов посещали ежегодные собрания ОАСС, или Хенке ездил на далекие учредительные собрания.

Эти новые группы, основанные на биорегионах, дали жизнь периодическим изданиям с экзотическими названиями: Konza (Совет по водоразделу Канзаса), Katuáñ (Биорегиональный журнал южных Аппалачей), Talking Oak Leaves (Сезонный бюллетень Конгресса сообщества Озарк), Mesechabe (Зеленые дельты Миссисипи) и Down Wind (Бюллетень Альянса дикого лука). Каждое из этих изданий представляет собой лучшее проявление биорегионализма на низовом уровне, предлагая смесь местных новостей, эссе, связанных с конкретными местами, поэзии, объявлений о событиях в сообществе и тщательно продуманных рассуждений об аспектах биорегионализма.

Несколько запоминающихся выпусков Mesechabe, пожалуй, самого эклектичного периодического издания, посвященного биорегионам, содержали первый перевод дневника анархиста-географа Элизе Реклю во время своего путешествия в Новый Орлеан в 1855 году.

В рамках своей легендарной роли неутомимого «Джонни Эпплсида» среди организаторов биорегионального движения, Хенке опубликовал брошюру под названием «*Экологическая политика и биорегионализм*» (1984). В то время, как ранние биорегиональные полемисты были озабочены экологической связью, реализованной в виде обновленного анархического примитивизма, Хенке излагает более прагматичный вариант биорегиональной цели. В тоне, олицетворяющем прагматизм средней части континента, он ссылается на существование экологических законов, которые будут направлять позитивную трансформацию обществ, основанных на биорегионах. Используя стиль письма, имитирующий ритм фундаменталистской проповеди, Хенке описывает и предполагает строгое использование регенеративного сельского хозяйства, соответствующих технологий, возобновляемых источников энергии, кооперативной экономики, земельных трастов, экологически ориентированной политики в области здравоохранения и агрессивных «мирных наступлений».

Биорегиональное видение Хенке является сельским, практичным и сфокусированным — его внимание сосредоточено на политизации и институционализации биорегионализма. В 1984 году Хенке использовал свое биорегиональное видение в качестве основы для организации и созыва первого Североамериканского биорегионального конгресса. Более 200 участников из нескольких континентов привлекло это знаковое событие. В его ходе комитеты разработали политики в двадцати трех областях, представляющих интерес для биорегиона, обсуждены на пленарных заседаниях, адаптированы по мере необходимости и приняты на основе консенсуса. Эти политики представлены в таблице 2.2. Письменный отчет об этом собрании, «*Материалы Североамериканского биорегионального конгресса*» (Henderson et al. 1984), а также материалы четырех последующих континентальных конгрессов/собраний, проводившихся два раза в год (Hart et al. 1987; Zuckerman 1989; Dolcini et al. 1991; Payne 1992), являются ключевыми источниками, раскрывающими, как расширялась концепция биорегионализма. Вторым важным источником истории биорегионализма, исходящим из континентальных конгрессов, являются ежедневные информационные бюллетени, издаваемые под названием «Голос черепахи» (Voice of the Turtle). В каждом выпуске обобщаются отчеты о событиях предыдущего дня, а также публикуются различные стихотворения, личные заявления и связанные с ними важные контекстуальные материалы.

Опубликованные материалы конгрессов и собраний, прошедших в десятках отдельных биорегионов, содержат подробную информацию о том, как определение биорегионализма было адаптировано к потребностям и нюансам различных культурных и биофизических условий. Среди многих других заслуживающих внимания публикаций можно отметить «*Резолюции Совета по водоразделу Канзаса (KAW)*» (Kansas Area Watershed Council 1982), «*Второй биорегиональный конгресс Тихоокеанской Каскадии: материалы, ресурсы и справочник*» (Scott and Carpenter 1988) и «*Материалы: Первый биорегиональный конгресс Верхней Черноземной прерии*» (Marshall 1989).

Исследование широкой интеллектуальной истории

В 1985 году Sierra Club опубликовал книгу «*Жители земли: биорегиональное видение*», уважаемого историка культуры и биорегионалиста Киркпатрика Сейла. Впервые представляя биорегионализм широкой литературной аудитории, Сейл утверждает, что

существует множество социальных и экологических кризисов, угрожающих выживанию человеческой цивилизации. Биорегионализм предлагает альтернативную парадигму, основанную на следующих принципах:

- Разделение Земли на вложенные друг в друга «природные регионы»
- Развитие локализованных и самодостаточных экономик;
- Принятие децентрализованной структуры управления, способствующей автономии, субсидиарности и разнообразию;
- Интеграция городской, сельской и дикой среды;
- Биорегионализм связан с анархистскими, утопическими социалистическими и региональными традициями планирования.

Трактат играет важную роль в представлении биорегионализма широкой публике двумя основными способами. Во-первых, Сейл значительно расширяет представление Доджа о биорегионализме как единой теории или, по терминологии Сейла, «парадигме». Во-вторых, Сейл показывает, что ценности биорегионализма существовали в работах североамериканских и европейских регионалистов. Ссылаясь на классические источники по истории регионального планирования, в том числе на работу Карла Суссмана «Планирование четвертой миграции: забытое видение Американской ассоциации регионального планирования» (1976), Фридмана и Уивера «Территория и функция: эволюция регионального планирования» (1979), Сейл называет *Фредерика Джексона Тернера* (1861–1932), *Говарда Одума* (1884–1954) и *Льюиса Мамфорда* (1895–1990) родоначальниками американского регионализма. Сейл связывает американскую регионалистскую мысль с более ранними европейскими идеями *Фредерика Ле Пле* (1806–1882), *Фридриха Рацеля* (1844–1904), *Поля Видаля де ла Блаша* (1845–1918) и *Патрика Геддеса* (1854–1932).

Связывая биорегионализм с 200-летней традицией сопротивления машинам и культуре, доминирующей в мегаполисах, Сейл кроме вызова находит и возможности. Вызов заключается в относительно малой известности интеллектуальных и активистских традиций, требовавших изучения, понимания их успехов и неудач. Возможность заключается в том, что биорегионализм можно рассматривать лишь как последнюю реинкарнацию многовековых усилий по определению социально справедливых и экологически устойчивых человеческих культур. Сейл в одиночку пытается охарактеризовать интеллектуальную генеалогию биорегионализма.

Сеть распространения книг Sierra Club и репутация Сейла, уважаемого историка культуры, обеспечили книге «Обитатели» гораздо большую известность, чем любой другой книге о биорегионализме, изданной до или после нее. «Обитатели» стали мишенью для критики со стороны биорегионального движения и сторонних наблюдателей.

Вопрос лидерства в высоко децентрализованном биорегиональном движении заслуживает дополнительных комментариев. Лидерство имеет решающее значение для успеха любого движения за социальные изменения, сталкивающегося с коварным и мощным противником в виде глобализма. Биорегионалисты смягчают это понимание, вспоминая судьбу лидеров 1960-х годов, поддавшихся тщеславию, созданному медиа-харизмой, либо считавших догматическую верность снисходительной риторике более важной, чем расширение прав и

возможностей самореализованных граждан. Видимо, принятый компромисс заключается в том, что лидерами на биорегиональном уровне, скорее всего, станут наиболее способные реализовать на практике сопротивление и культурное обновление, сосредоточенное на местном уровне.

Окончательная форма написания с упоминанием «Обитателей», включает в себя манифесты устойчивости от популярных социальных теоретиков, например, «Представление об устойчивом обществе: учимся выходить из кризиса» (1989) Милбрата и «Политика биосферы: новое сознание для нового века» (1991) Рифкина. На нескольких страницах гораздо более объемных работ биорегионализм представлен в первую очередь как концепция полезного территориального контейнера, биорегиона. Во всех книгах и статьях, где упоминаются «Обитатели земли», эта книга остается влиятельным и противоречивым источником знаний о биорегионах.

Биорегионализм лучше всего понимать, глядя на него «изнутри», а не читая один или несколько текстов. Необходимо посещать собрания, просматривать периодические издания, участвовать в проектах по восстановлению, а в местных ритуалах и церемониях. Примеры успешного применения этого подхода можно найти в новаторских дипломных работах Аберли (1985) и Карра (1990). Аберли подробно описывает историческую эксплуатацию сельского биорегиона, а затем исследует, как можно реализовать биорегиональную альтернативу. Карр интерпретирует социальную и философскую эволюцию биорегионализма на основе десятилетия записанных интервью и широкого участия в биорегиональных мероприятиях.

Расширение до социального/духовного определения

Еще одним важным событием в теории биорегионализма является книга Томаса Берри «Мечта Земли» (1988), - сборник эссе, объединенных биорегиональной тематикой. Берри - теолог, действующий в биорегионе Хадсония в штате Нью-Йорк, занимается построением биорегионального мировоззрения, прочно связывающего духовность с формой социальной организации. Берри описывает шесть «функций», необходимых для биорегиональной жизни:

1. Самовоспроизводство, требует от нас признания прав каждого вида на свою среду обитания, миграционные пути, место в сообществе. Биорегион — это домашняя среда сообщества, так же как дом — это домашняя среда семьи...

2. Самопитание, требует, чтобы члены сообщества поддерживали друг друга в установленных моделях природного мира для благополучия всего сообщества и каждого из его членов. В рамках этой модели расширение каждого вида ограничивается противоположными формами жизни или условиями, так что ни одна форма жизни или группа форм жизни не должна подавлять другие...

3. Самообразование через физические, химические, биологические и культурные модели. Каждая из них требует других для своего существования и реализации. Весь эволюционный процесс можно считать самым замечательным достижением самообразования со стороны планеты Земля и ее отличительных биорегиональных единиц...

4. Самоуправление. Внутри каждого регионального жизненного сообщества существует целостный функциональный порядок. Он является не внешним навязыванием, а внутренней связью сообщества, позволяющему каждому из его членов участвовать в управлении и достигать той полноты жизненного самовыражения, которой оно должно достичь...

5. Самовосстановление. Сообщество несет в себе не только питательные энергии, которые необходимы каждому члену сообщества; оно также содержит в себе особые силы регенерации. Это происходит, например, когда леса пострадают от сильных ураганов, когда периоды засухи высушивают поля или когда саранча нападает на регион и оставляет его опустошенным. Во всех этих случаях жизненное сообщество приспосабливается, задействует свои восстановительные силы и приводит к исцелению...

6. Самореализация. Сообщество реализуется в каждом из своих компонентов: в цветущих полях, в величественных дубах, в полете воробья, в появлении кита на поверхности и в любом другом проявлении природного мира... Сознательно празднуя священную тайну вселенной, выраженную в уникальных качествах каждого регионального сообщества, человек выполняет свою особую роль. Это выражается в религиозных литургиях, в рыночных фестивалях, в торжествах политических собраний, во всех видах игр, в музыке и танцах, во всех визуальных и исполнительских искусствах. Отсюда происходит культурная идентичность биорегиона.

Обеспечивая легкий доступ к интеллектуальным основам своего изложения, Сейл и Берри подчеркивают тот факт, что биорегионализм связан с более широкой и гораздо более глубокой философской традицией, чем может показаться из его недавнего воплощения в контркультуре.

Характеристика духовного значения биорегионализма проявилась еще в двух важных областях. В Техасе Джойс и Джин Маршалл соединили радикальную христианскую традицию с биорегионализмом, чтобы создать динамичное духовное движение активистов. Их работа отражена на страницах периодического издания под названием «Реалистичная жизнь», впервые опубликованного в 1985 году. Параллельно с этим, духовность Земли, присущая глубокой экологии, была принята биорегионалистами, экспериментировавшими с медитацией, поиском видений, празднованием сезонных циклов и множеством других ритуалов.

К вдохновляющим книгам этого жанра относятся *«Думать как гора: к Совету всех существ»* (Seed et al. 1988), *«Священная земля, священный секс: восторг глубин»* (LaChapelle 1988) и *«Правда или вызов: встречи с властью, авторитетом и тайной»* (Starhawk 1987).

Связь/интеграция с другими движениями за социальные перемены

С конца 1980-х годов развитие современного биорегионализма не столько эволюционировало в общих чертах, сколько было результатом органичного и постепенного процесса, движимого опытом растущей сети активистов и организаций. Процесс распространения и экспериментирования в области биорегионализма, хотя и трудно

прослеживаемый, представляет собой реальную текущую силу разнообразного биорегионального движения.

В сотнях городов, поселков и сельских анклавов тихо и упорно укореняется параллельное движение, поддерживающее биорегиональное управление. Биорегионалисты должны исследовать свои интеллектуальные и практические отношения с множеством других важных социальных и экологических движений. Ни одно движение не может самостоятельно вдохновить на преобразование «общества потребителей-производителей». Ни одно движение не может преодолеть политику вытеснения и изоляционизма, присущую глобализации.

Биорегиональное движение остается открытым и инклюзивным. Биорегионализм включает в себя ценности, выраженные в экофеминизме (Muller 1984; Plant 1986), духовности Земли (LaChapelle 1988), пермакультуре (Crofoot 1987), экологическом восстановлении (House 1974; 1990) и других направлениях. Эта интеграция отражена в эссе Мишель Саммер Файк и Сары Керр:

“ Биорегионализм и экофеминизм — два течения современного экологического движения, которые предоставляют связанные, но разные рамки для анализа вопросов экологической и социальной справедливости, а также предлагают видение более устойчивых способов жизни на Земле. Видение связей между феминизмом, экологизмом, деколонизацией, суверенитетом коренных народов, антирасизмом, освобождением геев, работой по обеспечению мира и справедливости и всеми другими видами борьбы за свободу и демократию имеет решающее значение для нашей работы как общественных активистов и организаторов. Мы считаем, что более глубокое понимание этих взаимосвязей является одним из важнейших уроков совместного изучения экофеминизма и биорегионализма.

Свидетельства этого процесса постоянной связи и интеграции можно также найти в ранее представленных опубликованных материалах шести Североамериканских биорегиональных конгрессов/ биорегиональных собраний на Черепашьем острове, проводившихся с 1984 года, на страницах двадцати пяти выпусков периодического издания Planet Drum Foundation «Raise The Stakes», посвященного сетевому взаимодействию и биорегиональной теории, а также в растущем числе журналов, публикующих статьи на биорегиональные темы.

Одной из будущих целей биорегионализма является успешная интеграция с другими движениями за социальные изменения (например, движением за экологическую справедливость), чтобы обеспечить более мощную способность влиять на социальные, политические и экологические преобразования. Возможно, самая большая надежда для биорегиональной деятельности заключается в этой интеграции с другими движениями. Биорегионализм поддерживает культурные преобразования, основанные на местных особенностях. Биорегион может стать политической ареной, где возникнет сопротивление экологической и социальной эксплуатации.

Мейнстримное «открытие» и (не)адаптация

В начале 1990-х годов биорегионализм был «открыт» политиками, менеджерами в сфере природных ресурсов и разработчиками экологической политики, обслуживающими государственные институты и корпоративные интересы. В ряде стран язык биорегионализма был заимствован для концептуализации экспериментов с институциональными и организационными реформами.

Однако эти государственные инициативы развивались почти без отсылки к корням или контакта с самим низовым биорегиональным движением. Прямое использование биорегиональной терминологии можно увидеть, например, в Меморандуме о взаимопонимании, подписанном в сентябре 1991 года руководителями федеральных и штатных агентств по управлению ресурсами, действующими в пределах Калифорнии (California State Resources Agency 1991). В Онтарио совместная провинциально-федеральная рабочая группа определила «Большой Торонтский биорегион» как оптимальную единицу управления крупным мегаполисом (Royal Commission on the Future of the Toronto Waterfront 1992). Каждая из этих инициатив определяла границы биорегионов сверху вниз и не смогла внятно объяснить, какую роль должны играть сообщества в этих альтернативных территориальных режимах.

К неявному заимствованию биорегиональных принципов можно отнести, например, реорганизацию единиц регионального управления в Новой Зеландии с приведением их границ в соответствие с крупными водосборными бассейнами (Furuseth и Cocklin 1995; Wright 1990). В Нунавуте в 1999 году провозглашён новый коренной биорегион в восточной части Канадской Арктики; от каждого нового избирательного округа будет избран мужчина и женщина (Devine 1992). Аналогичным образом Нация Навахо формирует модель «зависимого суверенитета» в рамках юрисдикции США (Commission on Navajo Government Development 1991). В Европе с 1994 года Комитет регионов предоставил почти 100 традиционным биорегионам признанную политическую площадку для выработки предложений (European Communities 1994). В районе Великих озёр, залива Мэн и Каскадии научные и планировочные комиссии приняли биорегионы в качестве территориальной единицы, в пределах которой сосредоточены различные направления планирования.

Основные идеи биорегионального видения были восприняты мейнстримными институтами. Такое заимствование ценностей биорегионализма можно рассматривать свидетельством относительной силы движения. В то же время эти инициативы, как правило, лишены важнейшего биорегионального принципа — перераспределения власти в пользу низовых сообществ и полуавтономных территорий, которые могли бы проводить экологически устойчивую и социально справедливую политику.

Биорегионалисты опасаются, что широкая публика будет отождествлять биорегионализм с этими риторическими и прагматическими государственными инициативами, а не с его подлинным низовым и органическим происхождением.

Расширение в систему учения

В 1990 году издательство New Society Publishers, базирующееся на острове Габриола в Британской Колумбии, ответило на эту потребность, запустив два важных проекта.

Первый заключался в создании авторитетной антологии лучших образцов доступных текстов по биорегиональной теории и практике. Составленная высокообразованной командой редакторов, в которую вошли ветераны биорегионального движения Ван Андрусс, Элеанор Райт и руководители New Society Джудит и Кристофер Планта, книга "*Home! A Bioregional Reader*" (1990) искусно соединяет воедино множество тем биорегионализма. *Home!* остаётся самым удобным и полным способом познакомиться с биорегиональным мировоззрением.

Вторым новаторским шагом New Society Publishers стало основание серии New Catalyst Bioregional Series. Этот формат позволял опытным редакторам объединять обзоры биорегиональных идей и практик, исходящих из различных географических и гендерных перспектив. Серия стала незаменимым источником новейших знаний о биорегионализме. В восьми выпусках рассматривались отдельные темы, включая: интервью с ведущими мыслителями движения (Plant and Plant 1990), зелёная экономика (Plant and Plant 1991), расширение возможностей общин (Plant and Plant 1992), взаимодействие человеческих сообществ с экосистемами (Meyer and Moosang 1992), общинные альтернативы отчуждению (Forsey 1993), биорегиональное картографирование (Aberley 1993), экологическое планирование (Aberley 1994), а также метод «экологического следа» для оценки степени присвоения сообществом экологического капитала (Wackernagel and Rees 1996). Новые книги других издателей, такие как *Giving the Land a Voice: Mapping Our Home Places* (Harrington 1995) и *Discovering Your Life-Place: A First Bioregional Workbook* (Berg 1995), расширили набор практических пособий для биорегионалистов.

Испытания, связанные с двадцатью годами непрерывного расширения задач, напрягли возможности высоко децентрализованного движения — не только в управлении собственным развитием, но и в своевременной, целенаправленной и ясной передаче своих принципов.

В результате догматы биорегионализма и богатая история движения известны широкой публике гораздо меньше, чем идеи других современных движений за социальные изменения. Однако возможно, что эта относительная неизвестность скоро изменится.

Парадоксально, но наибольшая сила биорегионализма проистекает именно из того, что он оставался относительно малоизвестным. Целью биорегиональных теоретиков всегда было размышление о потребностях и ценностях жизни «на своём месте», а не построение цельной теоретической конструкции или утопической тирады. Как свободно собранный свод идей, рождающихся из опыта проживания на территории, биорегионализм «говорит» к активистам социальных перемен, уставшим от запутанных идеологических догм.

Биорегионализм в действии

Цикл: производство, дистрибуция, потребление. Круги: восстанавливай, перерабатывай, используй снова, сокращай. Стрелка внизу: сокращенные отходы

Биорегионализм — это видение будущего, которое работает и для людей, и для Земли.

Биорегионализм — движение, этика и идея, развивавшаяся более четырёх десятилетий. Оно стремится именно к этому, используя природные особенности — такие как горные хребты и реки — в качестве основы для политических и культурных единиц вместо произвольных линий на карте. Это политическое, культурное и экологическое мировоззрение, основанное на естественно определяемых территориях, называемых биорегионами. Природа действует биорегионально — и сегодня, как никогда ранее, способность действовать регионально и глобально во взаимосвязанной форме имеет решающее значение.

Почему биорегионализм важен? И какое он имеет значение для вас и вашей деятельности?

Для отдельных людей, сообществ, бизнеса и правительств:

Укореняйтесь на месте. Пройдите биорегиональный тест. Исследуйте и изучайте, где вы живёте — физическую сторону (геология, источники воды, названия мест, климат, растения, животные, местные ресурсы), культурную (коренные названия, история, география, особенности, делающие этот край уникальным). Найдите свой контекст и составьте собственную карту того, что для вас важно, выходя за рамки Google Maps.

Покупайте локально. Ознакомьтесь с нашим биорегиональным справочником покупателя. Обращайте внимание на цепочки поставок, устойчивость и этичность производства товаров. Не переживайте, если не получится быть идеальным — это только первый шаг, и мы живём в системе, которая намеренно делает это максимально трудным. Чем более биорегиональным становится общество и чем крепче связи, тем проще это становится. Используйте компостируемую упаковку.

Берите еду на фермерских рынках или у местных производителей и независимых ресторанов. Читайте наш биорегиональный продовольственный гид. Старайтесь есть продукты, характерные для вашего региона, выращенные естественным образом, без добавок и химикатов, органические и с минимальным «транспортным следом».

Поддерживайте политику и людей, усиливающих разнообразие и социальную ткань наших биорегионов и сообществ, повышающих благополучие их жителей. Читайте наш биорегиональный избирательный гид.

Поддерживайте циркулярную экономику, которая делает упор на долговечность, качество, повторное использование продукции и такие инициативы, как право на ремонт.

Поддерживайте суверенитет, язык и культуру коренных народов, помогайте исправлять прошлые культурные ошибки ради более живого, устойчивого и справедливого будущего. Поощряйте платформы, усиливающие и возвышающие голоса тех, кто традиционно оказывался вне систем власти.

Используйте углеродно-нейтральные виды транспорта. Ходите пешком, езьте на велосипеде, пользуйтесь автобусами и всеми видами железнодорожного сообщения. Поддерживайте промежуточные шаги по электрификации, декарбонизации и сокращению зависимости от вредных методов производства энергии.

Сажайте местные растения. Станьте «амбассадором опылителей» и вместе с соседями создавайте коридоры из местных видов. Работайте над удалением инвазивных видов на системном уровне.

Используйте водосборные и биорегиональные рамки — а также модели, лучше отражающие место, людей и живые существа — для оценки масштабов и роста. Особенно это касается выбросов углерода и его поглощения.

Поддерживайте доступ к базовым правам, улучшающим жизнь всего региона: участие в выборах, здравоохранение, образование и основные потребности — жильё, занятость и продовольственная безопасность.

Думайте о долгосрочном и межпоколенческом благополучии жителей, включая экологическую и региональную устойчивость. Убедитесь, что полные экологические издержки учитываются в корпоративной ответственности, чтобы излишнее бремя не ложилось на налогоплательщиков и не игнорировалось.

Создавайте или поддерживайте местную или биорегиональную идентичность, а не национальную. Как мы можем лучше стать гражданами наших водосборных бассейнов?

Понятие биорегиона

Биорегион — сокращённое обозначение «био-культурного региона». В самом простом смысле — это место жизни.

Он основан на идее, что культура вырастает из места, а человеческие культуры развиваются в связи с природными экосистемами, в которых они живут. Биорегионы определяются особенностями природной среды, а не искусственными границами, и представляют собой сумму культур, экорегионов и экосистем, а также водосборов, возникающих в конкретном месте. Это пространства наибольшего масштаба, в пределах которых человек может перемещаться и всё ещё находить связи с другими людьми на основе общей территории. Физические границы, а также география, топография и живые организмы — флора и фауна — вместе образуют «био-регион».

“ Биорегион определяется в терминах уникального общего рисунка природных характеристик, которые обнаруживаются в конкретном месте. Основные черты обычно встречаются на всём протяжении непрерывной географической территории и включают особый климат, сезонные изменения, рельеф, водосборы, почвы, а также местные растения и животных.

Питер Берг

Биорегионалисты и биорегиональные движения используют «контейнеры», чтобы разложить крупные проблемы на составляющие, работать с теми, кто уже действует в сообществе для необходимых изменений, создавать социальные, политические, экономические и культурные сдвиги в сторону более здоровых сообществ и строить узлы, соединяющие людей внутри биорегиона с доступными решениями.

Биорегион придаёт измеримость, масштаб и осязаемость проблемам, часто кажущимся далёкими или глобальными по своей природе — и от которых люди могут чувствовать усталость или отчуждённость.

“ Биорегион относится как к географической территории, так и к территории сознания — к месту и к идеям о том, как жить в этом месте.

Биорегионы имеют два ключевых элемента:

НАУЧНЫЙ. Определяется физическим ландшафтом — геологией, топографией, гидрологией, тектоникой плит, географией, эрозией, количеством осадков, типом и разнообразием почв — и живыми организмами и экосистемами, обитающими в нём. Каждый из них уникален, приспособлен и эволюционировал немного иначе. Здесь мы должны спросить: чем природа отличается в разных местах? Какое природное разнообразие делает эти регионы особенными? Как это должно повлиять на наши действия?

КУЛЬТУРНЫЙ. Люди и сообщества, живущие в пределах биорегиона. Совокупность наших личных поступков и межличностных связей делает каждую территорию особенной — выращиваемая еда, то, что мы едим, наши виды спорта и музыка, одежда, которую мы носим, наша общая идентичность, экономика, формы правления и политика. Здесь мы должны спросить: как то место, где мы живём, влияет на эти вещи? Что каждый из нас может сделать, чтобы в совокупности привести мир к более здоровым изменениям и повысить благополучие наших сообществ и биорегиона?

“ Биорегион может быть изначально определён с помощью климатологии, физической географии, географии растений и животных, естественной истории и других описательных наук о природе. Окончательные границы биорегиона лучше всего описываются людьми, живущими в нём, через человеческое признание реальности жизни-на-месте.

Питер Берг и Рэймонд Дасманн

Не будет одного правильного ответа или одного универсального решения. Скорее это будут сотни решений, действующих совместно, адаптирующихся к разным потребностям, разным условиям, местам и контекстам, чтобы достичь подлинных перемен, которых мы хотим.

Как определить биорегион?

“ Хотя в природе мало прямых линий, существует множество определённых и мощных границ — различные экотоны, водоразделы, климатические зоны, разломы и уступы. Следует внимательно относиться к таким началам и окончаниям, ведь эти драматические повороты земли служат ясными и сильными выражениями разнообразия.

— Дэвид МакКлоски, О биорегиональных границах

Биорегионы — это естественные страны планеты, включающие в себя множество народов, жителей, водосборов и экосистем.

Сами по себе границы не являются ни хорошими, ни плохими. Они определяют края вещей. Они есть места, где разные зоны встречаются и сталкиваются. В отличие от многих современных государственных границ, биорегиональные границы не являются абстрактным понятием, наложенным на территорию. Напротив, это реальные физические особенности, которые можно увидеть, ощутить, измерить и проверить.

Они формируются из слияния трёх разных элементов:

Жёсткие границы

Определяющие черты биорегиона — часто жёсткие, а порой и разломанные края. Сюда относятся геология, топография, морфология — первичные силы, включая тектонику плит, зоны субдукции, зоны подъёма, зоны разломов, уступы, линии тектонических сдвигов, вулканы, горные хребты. Из жёстких границ обычно вырастают внешние границы биорегиона. Именно данные особенности определяют, как территория взаимодействует с другими элементами — схемами выпадения осадков, водосборами, ветрами, переносом осадка, эрозионными процессами.

Мягкие / размытые границы

Из этих «жёстких границ» возникают более мягкие. Биорегиональное наложение создаёт экорегионы, биомы, экосистемы и, вероятно, то, что мы чаще всего называем домом. Наши реки, леса, ручьи, почва, животные, растительный мир. Некоторые из этих границ также имеют чёткие очертания, а другие размыты и переходят из одного экотона в другой. Именно через такие мягкие границы мы часто определяем внутренние пределы и экорегионы внутри биорегиона.

Человеческая культура

И наконец, человеческая культура — то, как мы живём в месте и какое оказываем на него влияние — невероятно важная часть картографии наших биорегионов. С 1990-х годов человек стал вторым по величине «перемещателем земли» в мире, уступая только воде и опережая ветер. Одним из важнейших шагов Питера Берга при адаптации термина «биорегион» в 1971 году было включение человека в экосистему как её часть, а не как нечто внешнее. Человеческий образ жизни имеет ключевое значение, потому что независимо от произвольных границ именно на биорегиональном уровне решаются вопросы: как изменит регион климат, где пройдут пожары или наводнения, как восстановятся местные экосистемы, растения, рыба и животные, как возродится качество воды и здоровье рек, как будет измеряться засуха и состояние почв. Всё это биорегиональные вопросы, и для каждого нужен биорегиональный ответ.

Вместе эти три слоя формируют основу биорегиона — крупнейшее физическое объединение в масштабе, который имеет смысл, и предел его водосборов. Ведь в конечном счёте каждый человек и каждое сообщество, живущее в пределах водосбора, должно иметь возможность по-настоящему участвовать в обсуждениях и вносить вклад в решения, которые сильнее всего повлияют именно на них.

Является ли это биорегионом?

Существует множество определений и идей о том, что такое биорегион, а что им не является. Но прежде всего, ниже приведены три простых критерия, которые должен пройти регион, чтобы считаться биорегионом.

1. Биорегион — это территория суши и воды, чьи границы определяются географическими пределами человеческих сообществ и экологических систем, а не политическими границами.
2. Территория должна быть достаточно большой, чтобы быть самодостаточной и способной сохранять целостность своих биологических сообществ, мест обитания и экосистем.
3. Люди имеют значение. В конечном счёте именно люди и жители биорегиона определяют, что лучше всего представляет их образ жизни и проживание на территории. Кроме того, люди могут и часто действительно фундаментально изменяют природную среду. Часто, осознают они это или нет, биорегионы формируют основу культур жителей, идентичностей, связанных с местом, и способны помогать определять или формировать эти границы.

Биорегиональные масштабы могут использоваться как основа для оценки успеха и неудач в вопросах устойчивого развития и углеродной нейтральности. Насколько биорегион способен хранить, перерабатывать, смягчать последствия и устанавливать естественные пределы роста; обеспечивать требования к местам обитания ключевых и индикаторных видов, включая человеческие сообщества и развитие технологий и способов жизни, соответствующих территории.

Хотя границы биорегионов обычно имеют жёсткие, зубчатые очертания — разломы, вулканы, зоны субдукции, горы — где берут начало реки, внутри биорегиона находится «лоскутное одеяло» экосистем и экорегионов, каждый из которых уникален и требует специально подобранных решений. Жёсткие границы контролируют форму и поток энергии — ветра, воды, осадков, температуры, высоты, почвы — что позволяет формироваться биорегиону. Вырастают водосборы, «пожарные бассейны», «пищевые бассейны», воздушные бассейны. Сюда входят сельскохозяйственные привычки, определённые типы генерации энергии, предпочтительные перед другими. Эти вариации обеспечивают уровень адаптивности в условиях изменений и биорегиональную устойчивость. В конечном счёте, определение технологий и способов жизни, соответствующих месту, а также общая территория и общие заботы порождают совместные ценности, язык и идентичность.

Несмотря на различия внутри биорегиона, все они должны иметь некоторую форму общей связи в биорегиональном управлении, потому что в конечном счёте каждое сообщество, затронутое водной системой, должно быть включено хотя бы на базовом уровне в принятие решений. Регионы не являются статичными. Их границы постоянно меняются, и эти изменения позволяют биорегиону адаптироваться к масштабным внешним и внутренним изменениям.

Может ли экорегион также быть биорегионом?

Экорегiónы — это «комнаты в доме», но если они соответствуют критериям биорегиона, они могут быть и «домом». Чтобы ответить на распространённый вопрос: когда мы используем термин «биорегион», мы имеем в виду верхний уровень независимой, взаимосвязанной системы водосборов. Некоторые экорегiónы, если они достаточно большие, могут квалифицироваться как биорегион, так же как группы биорегионов могут быть частью более крупного региона или континента. Биорегионы могут быть экорегiónами, а экорегiónы — биорегионами. Контекст и использование определяют, какой термин применять. Например, Салишское море достаточно велико, чтобы считаться биорегионом, когда рассматривается как самостоятельная единица, или экорегiónом, когда рассматривается как часть биорегиона Каскадия.

В биорегиональном картографировании важнее не универсальные термины и определения, а то, что работает и имеет смысл для конкретной территории. Существуют жёсткие и зубчатые линии, но также много областей смешения, и только через определение множества разных слоёв можно получить полную картину.

По определению биорегиона организации Local Scale, базирующейся в Сан-Франциско и являющейся домом современного биорегионализма:

“ «Внутри биорегиона находится мозаика земельного и водного использования. Каждое «пятно» обеспечивает среду обитания, в которой различные виды выживают и процветают, и каждая имеет особые отношения с человеческим населением региона. Все элементы мозаики взаимодействуют друг с другом; управление водосбором влияет на речные экосистемы, фермы, эстуарии, рыболовство и коралловые рифы. Эти компоненты также динамичны; каждый изменяется со временем, когда реки меняют русло, заброшенные поля восстанавливаются, штормы обрушиваются на побережья, а пожары разрушают леса. Эта динамика даёт хорошо управляемому биорегиону устойчивость и гибкость для адаптации к естественной эволюции и деятельности человека — будь то изменение климата или изменения на рынках».

Только вместе все эти элементы работают согласованно.

Почему важно иметь общепринятое определение биорегиона?

Проблема подхода «ты неправ, а я прав» при обсуждении формирующейся идеи биорегиональных границ с 1970-х годов тормозила развитие биорегионального подхода.

Тем не менее, даже попытка ответить на базовые вопросы о биорегионах — какие биорегионы существуют на планете? В каком биорегионе я нахожусь? Какие биорегионы Северной Америки? В одном предложении: что такое биорегион, как его определить? — часто приводит к недопониманию и путанице. Каждая группа или организация в данный момент вынуждена создавать собственное определение, собственную структуру, каждое

полностью отличается в зависимости от их степени понимания идеи, истории и доступа к ресурсам или материалам по теме. С другой стороны, именно разнообразие и взаимодействие идей делают биорегиональное движение особенным.

В целом, это трудный разговор, потому что многие индустриализированные регионы за последние несколько сотен лет разрушали связи с местом и биорегиональными культурами. Новые биорегиональные идентичности и движения либо только начинают появляться, либо ещё не появились. Всё, что мы делаем, должно быть создано заново, восстановлено и обновлено. На данный момент, с практической точки зрения, кроме как «идите в мир и делайте это сами», у нас мало инструментов, чтобы сказать: вот что это такое, вот как можно с этим взаимодействовать, вот как развивать эту идею дальше абстрактных концепций и разрозненных примеров успеха, которые могут вдохновлять или менять системы. Нам крайне необходимы пути, сети и рамки, к которым может подключиться любой человек, независимо от того, где он живёт, какой у него опыт и сколько времени у него есть.

Наконец, мы должны быть способны строить эти системы и распространять идеи быстрее, чем наши корпоративные и капиталистические коллеги, способные разрушить нашу работу одним движением пера. Неопределённость оставляет дверь открытой для захвата инициатив крупными корпорациями или государственными структурами, использующие данные рамки для укрепления капитала, а не для его фундаментального переосмысления, разрушения и изменения.

В образовательных целях или как точка входа это нормально, но проблема возникает, когда правительства или бизнес, мало связанные с философией биорегионализма, используют рамки, оторванные от самой идеи. В худшем случае, если людей исключают из планирования или развития, это может привести к формам экологического фашизма или к вытеснению специально адаптированных коренных культур и их способов жизни на территории.

Из множества различных определений в мире со временем несколько окажутся наиболее логичными, будут приняты, адаптированы, использованы и развиты. В мире, где деньги часто говорят громче всего и влияют на большинство людей, биорегионалисты должны глубоко проработать свои определения и твёрдо их отстаивать.

Водораздел, экорегион, биорегион — в чём разница?

Хотя биорегионы часто определяются жёсткими, зубчатыми границами, внутри каждого биорегиона границы зачастую более тонкие и размытые. Они могут быть мягкими и часто плавно переходить друг в друга. Территории существуют как совокупность водоразделов, иначе называемых «экорегионами» — сокращение от региональных экосистем.

Итак, что такое водоразделы и экорегионы, и в чём их различие?

Водораздел — территория земли, с которой все потоки и осадки стекают в общую точку, например, в залив, озеро или океан. Водоразделы могут быть большими или маленькими и часто ограничены естественными гребнями и холмами. Водоразделы полностью связаны с движением воды — от места, куда падают осадки или где подземная вода выходит на поверхность, до того места, куда она течёт и останавливается. Водораздел состоит из поверхностных вод — озёр, рек, водохранилищ и болот — а также всей подземной воды. Более крупные водоразделы включают множество меньших водоразделов.

Водораздел

Водораздел — наименьшая единица, с которой работают биорегионалисты. Это территория, формируемая от места, где капля дождя падает или родник выходит на поверхность, до водоёма, с которым она соединяется. Экорегiónы состоят из этих водоразделов и используются для формирования территории биорегиона. Экорегiónы определяются аналогично, но расширены для включения физических, биологических и человеческих аспектов, связанных с этими территориями.

Водоразделы, такие как в Каскадии, выходят за рамки произвольных границ и имеют ключевое значение для понимания того, откуда берётся наша вода и куда она уходит, а также для вовлечения всех сообществ, затронутых данными процессами. Создание таких целостных культурных, экономических, экологических и демократических систем — вот почему идеи вроде Каскадии так важны. Только водораздел реки Колумбия, самого большого в Каскадии, охватывает части шести штатов США и одной канадской провинции. Его границы определяются «не правительствами или договорами, а каждой каплей воды, находящей общий путь к океану».

Водоразделы важны, потому что поток и качество воды в реке зависят от того, что происходит на территории «над» рекой, включая человеческое воздействие. Они критически важны для биорегионализма, поскольку выходят за рамки произвольных границ и помогают понять, откуда берётся вода, куда она уходит и как вовлечь все сообщества, затронутые этим процессом. Создание таких целостных культурных, экономических, экологических и демократических систем — причина, по которой идеи вроде Каскадии имеют большое значение.

Самый большой водораздел в Северной Америке — водораздел Миссисипи, собирающий воду с площади 1,15 миллиона квадратных миль из всех или части 31 штата США и двух канадских провинций, простираясь от Скалистых гор до Аппалачей.

Экорегión

Экорегiónы состоят из водоразделов и используются для формирования территорий биорегиона. Их можно считать «комнатами» внутри биорегиона. Экорегiónы определяются аналогично водоразделам, но могут включать несколько схожих водоразделов и расширяться с учётом физических, биологических и человеческих реалий, возникающих на этих территориях. В Каскадии насчитывается 75 экорегiónов, отражающих участки с похожей флорой, фауной, геологией, составом почв и режимами осадков.

Экорегiónы — другой способ обозначить «экосистему» — территорию с характерной флорой, фауной и климатическими условиями, которая может включать несколько разных водоразделов, если растения и животные схожи. В экорегiónы включаются и поселения людей, потому что человек сильно влияет на окружающую экосистему, а экосистема, в свою очередь, оказывает влияние на то, как люди адаптируются, селятся и строят. По размеру экорегión больше водораздела, но меньше биорегиона; или, в политических терминах, больше округа, но меньше штата или провинции. В Каскадии 75 экорегiónов, и из более чем 750 000 квадратных миль территории Каскадии каждый экорегión в среднем занимает около 10 000 квадратных миль, варьируясь от 2 000 до более 30 000 квадратных миль. В конечном итоге размер каждого экорегiónа определяется уникальным характером и контекстом конкретного места. Отражая это, планировщики политики всё чаще переходят к водораздельному и экорегiónальному подходу для создания более целостного планирования, охватывающего всю территорию и вовлекающего наиболее затронутые сообщества, вместо того чтобы решать отдельные или «точечные» проблемы.

Биорегион

Наконец, используется масштаб биорегиона — региона, границы которого естественным образом определяются топографическими особенностями (такими как горные хребты и реки) и биологическими элементами (растения, животные, люди и целые экосистемы). Культура — это сумма наших личных и межличностных отношений и выборов, многие из которых определяются общими ценностями и потребностями, возникающими из совместного проживания на одной территории. Биорегион — наибольший физический масштаб, где культурные связи, возникающие из места, имеют смысл и могут служить «контейнерами», позволяющими разложить большие, абстрактные проблемы на локальный уровень, где каждый человек может выйти из дома и принять участие. Биорегион обязательно включает каждый водораздел внутри себя, потому что невозможно обсуждать только части каждого. Каскадия — земля текущих вод, и для биорегиона Каскадия его границы определяются топографически: от западной стороны континентального водораздела, где падает дождь, и стекает в Тихий океан, от истоков рек Фрейзер и Колумбия до истоков реки Снейк, берущей начало в кальдере Йеллоустоуна.

“ Хотя в природе мало прямых линий, существует множество определённых и мощных границ — различные экотоны, водоразделы, климатические зоны, разломы и уступы. Следует внимательно относиться к таким началам и окончаниям, ведь эти драматические повороты земли служат ясными и сильными выражениями разнообразия.

— Дэвид МакКлоски, О биорегиональных границах

Биорегионы — естественные «страны» планеты, содержащие множество народов, жителей, водоразделов и экосистем.

Сами по себе границы не являются ни хорошими, ни плохими. Они определяют края вещей — места, где встречаются и сталкиваются разные зоны. В отличие от многих современных государственных границ, биорегиональные границы не являются абстрактным понятием,

наложенным на территорию. Это реальные физические особенности, которые можно увидеть, ощутить, измерить и проверить.

Отражая это, федеральные планировщики политики всё чаще переходят к водораздельному и экорегиональному подходу. Государственные органы на региональном, штатном, национальном и международном уровнях работают над внедрением более целостных подходов, охватывающих всю территорию и вовлекающих наиболее затронутые сообщества, чтобы находить лучшие решения.

Совместно три слоя формируют основу биорегиона — наибольшую физическую связь, имеющую смысл, и максимально охватывающую его водоразделы, потому что в конечном счёте каждый человек и сообщество, живущие в пределах водораздела, должны иметь возможность активно участвовать в обсуждениях, которые могут наиболее сильно повлиять на них.

Принципы

Путешествие длиною в жизнь

Остановитесь на мгновение и представьте себе мир, в котором вы хотели жить, если бы вся реальность исчезла. Мир, свободный от эксплуатации, где люди живут счастливо, их потребности - удовлетворены и находятся в равновесии с окружающей средой. Как бы выглядело такое общество? Какие шаги нужно предпринять, чтобы достичь этого? Вы начали свой жизненный путь к тому, чтобы стать биорегионалистом. Для осуществления мечты мы не можем работать в рамках существующих парадигм, а должны создать свои собственные.

Добро пожаловать домой!

Все больше людей осознают, что для обеспечения чистого воздуха, воды и пищи, необходимых для здорового существования, мы должны стать хранителями мест, где живем. Люди ощущают утрату от незнания своих соседей и природного окружения, обнаруживая, что лучший способ позаботиться о себе — выйти из дома и принять меры самостоятельно. Новости о кризисе проникают в наше общество ежедневно и постепенно проникают в сознание Америки и Канады. После многих лет отрицания и умышленного невежества многим становится все труднее отрицать или игнорировать последние новости.

Угрозы больше не ограничиваются изолированными районами, они приобретают региональный и глобальный характер. Потепление, вызванное парниковыми газами, имеет широкие последствия, в то время как пандемия ставит под сомнение принятые реальности и статус-кво — взаимосвязь всех наших действий, прав человека, изменения климата, экономической справедливости, реформы уголовного права, расового и социального равенства проявляется как никогда раньше. Каждый год лесные пожары и засухи становятся нормой. Сильные наводнения, стихийные бедствия и волны экономической миграции все больше напрягают наши продовольственные ресурсы и экосистему.

Сейчас во всем мире, во всех наших странах и регионах люди говорят о необходимости перемен, но никто не предлагает реальных способов их достижения.

На фоне расширяющихся и углубляющихся кризисов, в течение последних 40 лет на североамериканском континенте зарождается новое движение, которое предлагает решения не только экологических, но и социальных проблем.

Перед лицом общества, становящегося все более централизованным, бюрократизированным, однородным, милитаризованным, индустриализированным и неподконтрольным народу, это движение призывает к сокращению масштабов человеческих институтов, деколонизации, ликвидации колониальных и произвольных конструкций и границ, к тому, чтобы технологии были укорененными в местных сообществах, контролируемые ими и более адаптированными к местным условиям. Оно призывает к широкому участию в демократии, большей справедливости, возмещению прошлого зла, большему сотрудничеству и большему осознанию нашей взаимосвязанности — с другими людьми, другими культурами, другими видами и нашей планетой.

Трудно дать однозначное название такому всеобъемлющему, все еще формирующемуся движению, но «биорегионализм» служит полезным общим термином, включающим в себя в себя многие направления, такие как соответствующие технологии, пермакультура, окружающая среда, феминизм, права чернокожего населения, самоопределение и самообеспеченность коренных народов, гражданские права, право на частную жизнь и цифровые права, права ЛГБТКИА, равное представительство и равенство, социальная справедливость и мир.

Мы стремимся не к поверхностным реформам, а к фундаментальному переосмыслению и перестройке нашего общества. Здесь задача состоит в том, чтобы думать глобально, а также думать, планировать и действовать локально. Биорегиональная перспектива не только критикует господствующие массовые институты, но и создает позитивные альтернативы, которые могут контролироваться местным сообществом и адаптироваться к ограничениям, возможностям и ритмам местной среды, людей и ее обитателей.

В течение последних нескольких лет люди начали приходить на собрания, чтобы обсудить, как внести некоторые необходимые изменения в наших регионах и домах. Например, каков подходящий и устойчивый баланс между получением рабочих мест и полезных продуктов из наших лесов и сохранением дикой природы, уникальной для нашего биорегиона? Как мы можем управлять нашими реками таким образом, чтобы сбалансировать гидроэнергетику, рыболовство, рекреационное использование и дикую природу? Как мы можем построить сообщества, которые могут обеспечить всех людей, живущих в них, и учесть исторические и системные дисбалансы? Как мы можем удовлетворить энергетические потребности нашего региона, не полагаясь на невозобновляемые ископаемые виды топлива или атомную энергию? Как мы можем уменьшить нашу экономическую зависимость от экономических систем, которые нам не нравятся? Как мы можем создать общинные экономики, способные обеспечить пропитание и достоинство для всех, не полагаясь на неустойчивый рост и нанесение ущерба окружающей среде? Как мы можем уважать, учиться у многих коренных народов этого биорегиона и включать их в управление нашей землей и в представительство

во власти?

Можем ли мы найти новый путь, пока не стало слишком поздно?

Когда мы определяем наши места, используя Землю в качестве системы отсчета, с учетом флоры, фауны, рельефа, климата и т. д., мы говорим о биорегионах. Можем ли мы перейти от нашего статуса внутренней колонии американской промышленной системы, используемой для добычи ресурсов, предоставления технологических услуг и проведения отпусков, к более самодостаточному и самоопределяющемуся биорегиональному сообществу? Можем ли мы получить больший контроль над нашей общей судьбой на местном уровне?

Можем ли мы? Возможно. Все зависит от того, что мы делаем и как мы это делаем. Задача перемен велика. Без четко сформулированного коллективного видения того, что мы хотим сделать, и скоординированных стратегий того, как двигаться вперед, наша способность осуществить глубокие и широкомасштабные перемены будет затруднена. Есть ли способ создать более прочную «соединительную ткань» между различными частями нашего движения за перемены, чтобы мы могли укреплять и питать друг друга? Можем ли мы внести четкую и всеобъемлющую повестку дня перемен в застоявшуюся дискуссию?

Это вопросы и задачи, с которыми мы должны столкнуться, и именно с этой надеждой мы подготовили и создали эти документы, не как ответ на дискуссию, а для начала разговора. Биорегионалисты, каждый по-своему, должны создавать и продвигать изменения и вести нас вперед, а не ждать, пока кто-то другой сделает это за нас.

Биорегиональные движения создают эти пространства физически и в качестве поля сознания, чтобы каждый человек имел возможность участвовать в обсуждении важных для него вопросов, проявлять солидарность, чтобы максимально усилить влияние каждого. Каждая община лучше всего знает проблемы, с которыми она сталкивается, и только когда все эти ответы будут работать вместе, мы найдем решения наиболее важных проблем в нашем обществе.

Хотя это кажется простым, первые шаги биорегионалистов могут быть невероятно мощными, а для некоторых даже революционными. Помогая кому-то лучше познать свой дом, мы ставим перед собой задачу переосмыслить наше отношение к месту, разрушить устоявшиеся ментальные и физические границы и, если все сделать правильно, понудить проявить заботу. Делая первые шаги, мы перестаем быть американцами или канадцами и становимся гражданами нашего района, наших водоразделов, биорегионов и мест, имеющих для нас значение.

Развитие чувства принадлежности к месту

Ключевой частью биорегионализма является развитие чувства принадлежности к месту. Его развитие есть искусство, которым может овладеть каждый человек. Оно подразумевает замедление темпа жизни, уделение необходимого времени, чтобы остановиться, поразмышлять, узнать что-то новое. Отсюда проистекает самое революционное действие —

забота о наших местах. Знание того, что нас окружает, находясь под угрозой или теряется.

Мы не можем бороться с проблемой, если не знаем о ее существовании. Чувство места — первый шаг к прямому противостоянию безликой природе глобализма и многим бедам, возникающим из общества, утратившего свои корни.

“ Однажды в жизни человек должен сосредоточить свой ум на запомнившейся земле. Он должен отдать себя конкретному пейзажу из своего опыта; смотреть на него со всех возможных ракурсов, удивляться ему, размышлять о нем. Он должен представить, что касается его руками в каждое время года и слушает звуки, которые он издает. Он должен представить себе обитающих там существ и все самые слабые движения ветра. Он должен вспомнить блеск луны и цвета рассвета и заката.

—Н. Скотт Момадей, «Путь к Дождливой горе»

Развитие чувства места означает укоренение в одном конкретном месте. Это может быть наш дом, место, откуда пришли наши предки, или место, где мы живем сейчас. Это означает привязку к экологическим реалиям – погоде, изменениям смены сезонов, осадкам, растениям, животным – и использование их для принятия лучших решений для себя и для общества, лучше соответствуя ограничениям места, где мы живем. Это также означает понимание человеческих элементов места: культуры, истории, социального устройства (хорошего и плохого). Так мы лучше поймем, где находимся сегодня, и что приведет нас к лучшему будущему.

Понимая свое место, мы перестаем быть жителями и становимся обитателями – частью нашего дома. Этот порой революционный акт, открывающий глаза и уши, может изменить наше восприятие себя как людей, определяемых исключительно искусственными границами, и превратить в граждан естественных границ, а также переориентировать нашу идентичность с американской или канадской национальности на наши биорегионы, водоразделы, сообщества и дом.

Многие социальные проблемы возникают из-за отрыва от места. Экономические системы, оторванные от последствий добычи, производства и человеческих затрат. Они перемещают людей по городам, регионам и континентам, вырывая из семейных структур и лишая межпоколенческого богатства, знаний и опыта. Технологии усиливают изоляцию и отчуждение от природной среды. Благодаря чувству принадлежности к месту мы развиваем более глубокую личную связь с нашими биорегионами и живущими в них сообществами, нашими обязательствами друг перед другом и нашими домами. Чувство места дает большее понимание невероятных взаимосвязанных систем, частью которых мы являемся.

Как развить чувство принадлежности к месту

Познакомьтесь с местом, где вы живете. Гуляйте, узнавайте растения и животных. Как все меняется с изменением сезонов? Почему в вашем регионе такая погода? Узнайте местную геологию.

Изучите историю — как место, где вы живете, получило свое название? Насколько долго оно является городом или сообществом? Откуда взялись названия улиц? Кто жил здесь раньше и на каких языках они говорили? Как жили коренные народы в вашем регионе, какие материалы и технологии они использовали и почему?

Уделяйте время: поймите, что все остальное не имеет значения, если вы не уделяете время тому, чтобы испытать это. Выходите на улицу, готовьте, занимайтесь садоводством, погружайтесь в жизнь и обогащайте себя, изучая место в течение месяцев и лет.

И, наконец, воспользуйтесь полученными знаниями, чтобы представить себе нечто лучшее, а затем выйдите в свое сообщество для развития этих усилий. Встречайтесь с другими обитателями, делитесь, учитесь, общайтесь, растите.

Как жители наших мест, мы все являемся экспертами, и у всех нас есть чем поделиться. Биорегионализм эффективен, потому что местные потребности и реалии всегда будут немного отличаться и будут более эффективными, чем глобально стандартизированные моно модели, и что вместе все мы, работающие в одном регионе, имеем гораздо больший потенциал для реального воздействия и изменений.

Теория перемен

Биорегион — это сокращенное обозначение «биокультурного региона», основанное на идее, что культура происходит из места и что человеческие культуры развиваются в связи с природными экосистемами, в которых они обитают. Это регион, определяемый характеристиками природной среды, а не искусственными границами. Совокупность экорегионов и водосборных бассейнов определенного места создают единое представление о географии, топографии и живой флоре и фауне, создающими вместе «биорегион».

Биорегионы — политические единицы, основанные на «естественных» границах (водоразделы, горные хребты, экосистемы, культуры, основанные на месте, и т. д.), а не на человеческих политических концепциях и исторических случайностях. Биорегионы используются для воссоединения социально справедливых человеческих культур с региональными экосистемами, куда люди «неотъемлемо встроены». Это создает прочные промежуточные рамки, служащие для разбиения крупных, неосязаемых глобальных идей на измеримые местные контексты, в которых любой человек может выйти из дома и проявить активность.

Биорегионализм связывает людей и идеи с местом и работает по водоразделам, используя устойчивые, демократические и справедливые методы. Биорегионалисты ищут решений самых сложных проблем мира, используя биорегионы для разбиения крупных проблем на местный уровень, создавая доступные пути для каждого человека, живущего в регионе, чтобы он мог активно заниматься волнующими его вопросами. Каждый водораздел и каждое сообщество будут отличаться друг от друга. Каждый регион и каждое сообщество будут лучше всего знать свои потребности.

Наше движение, более чем что-либо другое, является движением, направленным на содействие укреплению взаимозависимости и устойчивости биорегионов во всем мире, а также на развитие идеи биорегионализма как основной альтернативы для решения современных проблем, с которыми сталкиваются наши сообщества. Мы начинаем с наших водосборных бассейнов и используем эту идею в качестве основы, руководствуясь ключевыми принципами, чтобы разбить глобальные проблемы на местный уровень, повысить подотчетность и прозрачность наших региональных экономических и продовольственных систем, перенести наши действия и влияние туда, где люди имеют наибольшее право голоса в вопросах, затрагивающих их жизнь. Разные сообщества будут иметь разные потребности и будут лучше всего подходить для решения проблем, с которыми сталкиваются эти сообщества, но, разделяя одну и ту же территорию, мы все будем иметь общие принципы, ценности и объединяющие интересы.

Для достижения этих целей мы хотим создать основанные на местности движения взаимозависимости, которые могут работать комплексно для объединения политических, экономических, экологических и культурных элементов каждого водораздела и создать подходящие для всех решения. Мы говорим о социальном и культурном движении — сумме наших межличностных взаимодействий, где каждый человек может взять ответственность за свои действия, и о переходе к модели управления водосборными бассейнами на основе сообществ. В основе биорегионализма лежит идея, что нам следует заботиться о течении выше нас и о том, что мы сами сбрасываем ниже по течению. Независимо от произвольных политических границ, для реальных изменений потребуются усилия всех, кто живет вдоль этого водораздела. Вместо сегментированного подхода биорегионализм создает модель децентрализованных местных движений и центров, а не просто политическую модель, в которой мы каждые четыре года отправляем людей на избирательные участки или ждем, пока кто-то другой сделает это за нас.

Данная теория перемен помогает нам создать основу для перехода к этим действиям. Культура проистекает из места, и вместе это помогает создать новую региональную идентичность, укорененную в любви к месту, с общими принципами, ценностями и заботами. Биорегиональная идентичность помогает нам сформировать видение, к которому мы можем стремиться. Движение дает каждому человеку возможность выйти из дома, изменить то, что ему важно, и связаться с людьми в его сообществе, ответственными за эти изменения.

Биорегионализм — не национальное или глобальное решение. Это альтернативная, основанная на месте модель, противоположная таким идеям, как национализм или капитализм, а также основа для создания взаимной и совместной сети биорегиональных движений по всему миру. Каждое из них может учиться друг у друга, принимать модели, наиболее подходящие для проблем в своей местности и давать человеку возможность влиять на изменения, в которых мы нуждаемся.

Принципы превыше Платформы

Не существует центрального комитета или совета влиятельных лиц, диктующих ценности, нет платформы биорегионализма. Скорее, это набор ценностей и принципов, которые

каждый человек может и должен подвергать сомнению и находить то, что применимо в его повседневной жизни. Историю биорегиона можно узнать только через длительное участие в местных и континентальных собраниях биорегионов, а также через усвоение идей, изложенных в журналах и самоизданных книгах. Такая литература редко появляется в библиотеках или местах массовой продажи. Лучше всего изучать эту историю, прислушиваясь к множеству голосов, и задача каждого из нас — попытаться донести эти идеи, сделать их максимально доступными для миллионов людей, живущих здесь, пока не стало слишком поздно.

Биорегиональные движения основаны на нескольких различных ключевых принципах и целях, которые разбивают глобальные проблемы на местный уровень. Наши принципы являются легкими, динамичными и гибкими — они призваны помочь организаторам в каждом водоразделе наилучшим образом адаптировать решения проблем к своим собственным потребностям и условиям. Это дает группам и сторонникам динамичную и гибкую организационную модель, способную отражать потребности и приоритеты сообществ и регионов, в которых они живут и работают. Различие между установленными политиками и принципами, лежащими в основе принятия решений, является выражением наших общих ценностей и взглядов. Это делегирует полномочия местным лидерам и позволяет им адекватно реагировать на возникающие перед ними условия, которые зачастую являются непредвиденными.

Конкретные политики могут быть чрезвычайно разделительными. Мы не можем и не должны пытаться установить единую платформу, идеально применимой в 100% случаев. Платформа способствует расколу между членами и группами, которые пытаются навязать свою волю более крупной организации, независимо от того, уместно это или необходимо. Действительно, в подлинно демократическом обществе именно отдельные лица и местные сообщества должны иметь последнее слово в системах управления для их региона и приоритетов, установленных теми, кто там живет.

Разработка набора принципов позволяет нам эффективно оспаривать и разрушать многие доминирующие политические дискурсы, распространенные в обществе сегодня, согласовывать организационную структуру, отражающую наши потребности и ценности, а также способность организовываться в систему взаимной поддержки и добровольного объединения. Ее приоритеты определяются в динамичной и гибкой модели, усиливающей наших членов. Благодаря разнообразию мнений она укрепляется, а не ослабляется.

Наша теория перемен

Биорегионализм — одна из самых важных и наименее известных философских концепций XXI века, способная помочь организаторам, планировщикам и визионерам, независимо от их целей, происхождения или политических взглядов.

Ниже вы найдете набор общих принципов, которые объединяют самых разных организаторов и связывают биорегионалистов по всему миру.

МИР СОСТОИТ ИЗ БИОРЕГИОНОВ

Возвращение к более естественному подходу к региональной организации и мышлению. Независимо от названия, биорегионы существуют здесь и сейчас и будут существовать вечно, независимо от того, есть ли здесь люди или нет. Биорегионы определяются географией, флорой и фауной, топологией, окружающей средой — отличительными социальными, культурными и экономическими чертами, — это самые большие пространства, где физические связи имеют смысл. В конечном итоге, человеческое общество функционирует гораздо лучше, если оно работает с этими базовыми условиями, а также с технологиями и практиками, которые развивались на протяжении тысячелетий и лучше всего подходят для каждой области.

БИОРЕГИОНЫ ЯВЛЯЮТСЯ НАИБОЛЬШИМ И НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫМ МАСШТАБОМ, ГДЕ СВЯЗИ, ОСНОВАННЫЕ НА МЕСТЕ, ИМЕЮТ СМЫСЛ

Люди в биорегионе делятся ресурсами, едой, имеют общие проблемы и, благодаря этому, общие ценности и потребности. Из-за этой взаимозависимости водоразделы и биорегионы часто становятся наиболее эффективным масштабом для планирования и организации. Они служат посредником, позволяющим нам разбить крупномасштабные, глобальные и неосознаваемые проблемы на местный уровень, в масштабе, где каждый из нас может оказать реальное влияние.

БИОРЕГИОНЫ РАЗНООБРАЗНЫ

Решения и потребности для каждого из них будут разными. Во всем мире существуют десятки тысяч экосистем, тысячи экорегионов, сотни биорегионов. Как и в любой экосистеме, решения даже одной и той же проблемы будут столь же разнообразными. Это разнообразие является сильной стороной биорегионов и представляет собой здоровый обмен идеями, диалог и движение.

Проблемы, с которыми сталкивается каждый водосборный бассейн, являются серьезными. Для создания устойчивого благополучия, здоровья для наших регионов и всего мира потребуются совместные усилия всех нас, каждого по-своему и на протяжении всего водосборного бассейна. Биорегиональные движения создают пространство для человека и сообщества, учитывая контекст каждого из них, обеспечивая солидарность и поддержку там, где это необходимо, и на основе общих принципов. Те люди, кто непосредственно затронут какой-либо проблемой, лучше всего могут ее обсуждать, представлять потребности сообщества и личные интересы. Наша задача как биорегионалистов — создавать или поддерживать пространства, где эти голоса могут быть услышаны, укорененные в контексте каждого места, предоставлять инструменты, где это возможно, и предлагать солидарность, где это необходимо.

БИОРЕГИОНАЛИЗМ СВЯЗЫВАЕТ ЛЮДЕЙ С ТРАДИЦИОННЫМ ОБРАЗОМ ЖИЗНИ

Его практики, основанные на месте, являются устойчивыми, демократическими и адаптированными к потребностям каждого водосборного бассейна, сообщества и жителей. Биорегионализм предоставляет физическое пространство, связующее звено между местным и глобальным, он также предоставляет поле сознания, которое связывает уроки,

извлеченные из опыта каждого водосборного бассейна на протяжении тысячелетий, с современным обществом и практиками. Коренной образ жизни означает происхождение или естественное существование в определенном месте. Биорегионалисты работают над созданием доступных путей, знакомят людей с этими практиками и уводят их от систем эксплуатации, где человек берет больше, чем дает, не представляет интересы сообщества и не приносит пользу тем, кто там живет. Все, кто живет в водосборном бассейне, могут жить по коренным традициям.

КУЛЬТУРА ПРОИСХОДИТ ИЗ МЕСТА

Культура возникает из общих принципов и интересов, берущих свое начало из жизни в одном месте с вашими соседями и другими людьми, которые разделяют ваши интересы или увлечения. «Биорегион» — просто сокращение от «биокультурный регион», подчеркивающее разнообразие места и живущих там людей. Деля водораздел, мы разделяем общие принципы и ценности, общие заботы, и все мы хотим лучшей жизни для наших семей, друзей и соседей, а также защитить то, что мы считаем особенным. Многие из этих черт проистекают из совместного использования земель. Мы выращиваем одни и те же культуры, сталкиваемся с погодными условиями и климатом. Если происходит стихийное бедствие, наводнение, землетрясение, лесной пожар, засуха или наводнение, оно затрагивает всех нас.

БИОРЕГИОНАЛИЗМ СОЗДАЕТ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Укоренение в любви к месту уводит нас от национальных идентичностей к новой культуре, воплощающей принципы, которые хотим видеть в обществе. Биорегиональное движение работает над созданием региональной идентичности - позитивной, инклюзивной и основанной на принципах. Мы говорим о социальном и культурном движении, потому что культура есть совокупность наших межличностных взаимодействий. Изменив свое поведение, каждый из нас может повлиять на важные вопросы прямо здесь и сейчас, не дожидаясь, пока другие сделают это за нас. Культура — это еда, напитки, наша музыка, спорт и отдых, а также вопросы, в которых мы решаем быть активными.

БИОРЕГИОНАЛИЗМ ДЕЙСТВУЕТ НА МЕСТНОМ И СВЯЗЫВАЕТ МИР НА ГЛОБАЛЬНОМ УРОВНЯХ

На местном уровне биорегиональные движения стремятся усилить региональную автономию и независимость, работая над созданием местных источников возобновляемой энергии, переходя от глобальных к местным источникам продовольствия, поощряя устойчивые формы жилья и транспорта, создавая местные валюты и экономику, сохраняющие богатство в сообществах, формируя местные демократические формы управления, предоставляющие возможность участвовать в процессе принятия решений.

На глобальном уровне биорегиональные движения стремятся создать взаимозависимые сети, где продукты питания, ресурсы, товары и услуги могут быть получены на местном уровне, с учетом их возможного воздействия на окружающую среду. В конечном итоге цель биорегионализма — это взаимосвязанная система биорегионов и движений, работающих

вместе на справедливой, демократической и устойчивой основе. Это означает, что власть основана на местном сообществе, где граждане имеют возможность полноценно участвовать в процессе принятия решений, построенном на общих ценностях и принципах.

БИОРЕГИОНЫ ЯВЛЯЮТСЯ ОСНОВОЙ ДЛЯ ИЗМЕНЕНИЙ

Разбивая проблемы на местном уровне, мы можем связать людей с теми, кто уже работает над изменением ситуации. Переноса наше влияние на местный уровень, мы также даем большему количеству людей возможность напрямую влиять на вопросы, затрагивающие нашу жизнь. Мы можем иметь большее влияние на экономическую цепочку поставок и легче привлекать к ответственности предприятия, организации и правительства, что приводит к более значительным изменениям. Биорегионализм гласит, что изменения начинаются дома, и что каждый из нас может стать тем, кто изменит мир к лучшему.

БИОРЕГИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ — ЭТО КЛЮЧ К ПЕРЕМЕНАМ

Оно служит для просвещения людей по важным для региона вопросам, воодушевляет и вдохновляет на участие, связывает их энтузиазм с организациями и инициаторами перемен. Биорегиональные движения помогают друг другу в трудные времена, слушают и учатся у жителей всего мира, адаптируют уроки для их собственных водосборных бассейнов, открыто делятся своими моделями успеха. Они являются местными центрами и будут существовать только в тех водосборных бассейнах, в которых они функционируют, будут работать над созданием партнерств и взаимовыгодных отношений с другими движениями в других областях, а не расширяться за их пределы, проблемы и вопросы которых будут отличаться от их собственного биорегиона.

БИОРЕГИОНАЛИЗМ УПРАЗДНЯЕТ ПРОИЗВОЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ

Он уводит нас от токсичных, негативных и бессмысленных линий на карте к гибким и динамичным границам, отражая физические и культурные реалии того или иного района. Рассматривая ситуацию с точки зрения всего водосборного бассейна, мы лучше подготовлены к решению проблем, возникающих в верхнем течении, и к тому, как наше собственное воздействие распространяется вниз по течению. Вместо политических границ, для создания устойчивой экологической политики, управления ростом и планирования, обеспечения готовности к стихийным бедствиям и реагирования на них, а также для выработки реальных решений и консенсуса по наиболее сложным вопросам необходимо, чтобы все жители водосборного бассейна были представлены на равных условиях.

БИОРЕГИОНАЛИЗМ В СВОЕМ НАИБОЛЕЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОМ ПРОЯВЛЕНИИ ПРОСТО ОЗНАЧАЕТ «ОРИЕНТИРОВАННОСТЬ НА МЕСТО»

Он использует стратегии, направленные на укоренение людей в том, что делает каждую область, культуру, экосистему и водораздел уникальными. Люди живут в одном месте тысячи лет — и это просто означает жизнь в рамках реальности и географических границ каждой области. При установлении связей за пределами биорегиона — стремится к этичной, ответственной, регенеративной и углеродно-отрицательной деятельности человека по отношению к природе. Противоположность добывающей экономике.

ВЫ ЯВЛЯЕТЕСЬ БИОРЕГИОНАЛИСТОМ, ЗНАЕТЕ ВЫ ОБ ЭТОМ ИЛИ НЕТ

Вы наверняка стремитесь улучшить себя и мир вокруг себя. В своей основе биорегионализм можно использовать для описания любой тенденции, называется она «биорегиональной» или нет, направленной на то, чтобы дать людям больше права голоса в своих делах, обеспечить их экономическую самодостаточность и экологически устойчивый образ жизни, основанный на водоразделах, в которых они живут. Биорегиональный подход «проактивен», он не сводится к форме протеста против существующих социальных, экономических и политических порядков.

БИОРЕГИОНАЛИЗМ ОЗНАЧАЕТ СОЗДАНИЕ МИРА, КОТОРЫЙ МЫ ХОТИМ ВИДЕТЬ

Мы не ждем, пока другие сделают это за нас. В рамках этого подхода представим, как может выглядеть по-настоящему устойчивый, автономный, устойчивый ко внешним воздействиям независимый мир. Мы определяем и создаем свою собственную реальность, работая в рамках текущей реальности, но не будучи ограниченными ею. Это видение помогает нам определить цель нашей работы, ведь если мы имеем ограниченные мечты, то добьемся лишь ограниченных успехов. Биорегионалисты не только ищут проблемы в наших нынешних системах или жалуются на них, но и работают над поиском решений для выявленных проблем. Именно на основе этих видения мы можем нащупать путь вперед, избегая ловушки существующей реальности.

БИОРЕГИОНАЛИЗМ ОЗНАЧАЕТ СОЗДАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ И ПОДОТЧЕТНЫХ СИСТЕМ

и представляет собой движение лидеров, в котором каждый человек может взять на себя инициативу по вопросам, которые ему наиболее важны. Биорегионализм предоставляет основу для создания биорегиона, который является устойчивым, автономным, устойчивым и независимым, и выступает за гораздо более целостную модель, чем движения, посвященные одной проблеме.

Отказываясь от национальной политики, которая может быть невероятно обездоливающей или лишаящей прав, мы стремимся расширить права и возможности людей в их местных сообществах, прямо здесь и сейчас. Мы не полагаемся на политические системы, где требуются огромные средства, и в случае неудачи могут означать, что вы уйдете с пустыми руками. Политические системы, основанные на произвольных границах, не представляют ни место, ни людей. Огромные национальные образования из-за своего размера и масштаба имеют мало интересов. В политических системах человека посылают оказывать влияние, голосуя каждые 2 или 4 года. Биорегионализм занимается созданием систем, в которых отдельные люди и сообщества каждый день активно работают над приближением желаемых перемен.

Каждое сообщество имеет свои собственные потребности и сможет наилучшим образом их представлять, зная лучшие подходы к решению собственных проблем. Вместе мы работаем над созданием биорегионального движения - локального центра, позволяющего каждой группе представлять эти проблемы, иметь необходимые услуги и инструменты, находить

солидарность и поддержку, а также максимально увеличивать свое влияние, чтобы заинтересованные стороны имели право голоса в отношении своей жизни.

БИОРЕГИОНАЛИЗМ СТРОИТСЯ НА ОСНОВЕ «СТАРОЙ ОБОЛОЧКИ»

Он действует по двум направлениям для достижения изменений. С одной стороны, продвигая политику, практики и инициативы, повышающие биорегиональное сознание, принципы и благополучие. С другой — активно создает жизнеспособные альтернативы; более устойчивые, демократичные, они зависящие от существующих институтов. Биорегионалисты выступают за «деволюцию», а не за «революцию», и работают над «перерастанием системы», а не над ее свержением.

Вместо того, чтобы предлагать одно решение на смену другому, быть сторонниками или противниками технологий, биорегионализм говорит, что нам необходимо привести наши экономические и социальные системы в соответствие с естественными ограничениями на личном и общественном уровнях. Зеленые технологии способны устойчивым образом удовлетворить потребности человека и обеспечить процветание человеческих и нечеловеческих форм жизни, не эксплуатируя их и нанося меньший ущерб Земле, чем если бы этого не делалось вовсе. Биорегионализм — гораздо больше, чем просто политическое движение. Даже если завтра политическое движение достигнет успеха, и политические структуры перейдут к модели управления водоразделами, коренные причины обсуждаемых нами проблем и их последствия все равно останутся: деградация окружающей среды, бедность, джентрификация, отсутствие доступа к ключевым услугам и многое другое. Биорегионализм бросает нам вызов в создании моделей, которых мы хотим видеть в мире.

История множества голосов

Биорегионализм — смелая инклюзивная доктрина фундаментальных социальных перемен, лучше всего развивающаяся на уровне децентрализованной практики. Хотя ни один из принципов биорегионализма не закреплен окончательно, они претендуют на динамичный, основанный на инициативе низового уровня подход к концептуализации и достижению преобразующих социальных изменений:

Биорегиональное мировоззрение

Существуют широко распространенные социальные и экологические кризисы; без фундаментальных изменений сохранение биоразнообразия, включая выживание человеческого вида, находится под угрозой. Коренная причина этих угроз заключается в неспособности национального государства и промышленного капитализма — патриархальной, основанной на машинах цивилизации, возникшей в результате научной революции — измерять прогресс в терминах, отличных от денежного богатства, экономической эффективности или централизованной власти.

Устойчивость — справедливо распределенное достижение социального, экологического и экономического качества жизни. Лучше всего она достигается в рамках более децентрализованной структуры управления и развития.

Биорегион — территория, выявленная по сходству биофизических и культурных явлений — предлагает масштаб децентрализации, способный поддержать достижение культурной и экологической устойчивости.

Культура

Люди и другие виды имеют неотъемлемое право на совместную эволюцию в местных, биорегиональных и глобальных экосистемных объединениях. Культуры, основанные на биорегионах, знают о прошлых и настоящих культурах коренных народов и стремятся включить лучшие элементы этих традиций в «новые коренные» конфигурации.

Культура, основанная на биорегионах, также прославляется через искусство ритуала и духовного самоанализа.

Управление

Управление биорегионом является автономным, демократическим и использует процессы принятия решений с участием общественности с учетом его культурных особенностей. Политическая и культурная легитимность измеряется степенью социальной и экологической справедливости, а также устойчивости, основанной на экосистемах.

Сложные сети федераций будут созданы на континентальном, полушарном и глобальном уровнях для обеспечения тесной связи с правительствами, экономическими интересами и культурными учреждениями в других биорегионах.

Экономика

Человеческая деятельность реинтегрируется в экологические процессы, особенно через тщательное понимание несущей способности, сохранения и восстановления естественного разнообразия и здоровья экосистем. Целью экономической деятельности является достижение максимально возможного уровня кооперативной самодостаточности. Предпочтение отдается использованию местных технологий, разработанных в рамках постоянной программы исследований в области экологического дизайна.

Биорегионализм лучше всего узнать, прислушавшись к множеству голосов. По мере того, как люди вновь заселяют свои родные места, происходит замечательная интеграция философии и политической деятельности. Место воспринимается неразрывно связанным с культурой. Культура рассматривается в связи с историей эксплуатации человека и экосистем в прошлом. Ограничения на достижение альтернативного, социально справедливого и экологически устойчивого будущего идентифицируются, анализируются и преодолеваются. Процессы сопротивления и обновления оживляются внутри существующих властных структур и параллельно им.

Для тех, кто слушает больше голосов, говорящих о биорегионализме, или, что еще лучше, участвует в самом биорегиональном движении, хаос превращается в нечто, верно воспринимаемое как элегантный, стойкий и органичный рост цели.

С наступлением нового тысячелетия биорегионализм дает нам лучшую надежду на создание взаимозависимой сети самодостаточных, устойчивых культур.

Что такое Департамент биорегиона?

Департаменты биорегиона являются центрами движения для местных сообществ. Они определяют и развивают свои возможности для решения важных проблем в соответствии с потребностями и в гармонии с окружающей экосистемой. Каждый департамент занимается исследованием и ведением биорегиональных карт, подготовкой образовательных презентаций и письменных материалов, энциклопедии экорегионов, справочника биорегиональных организаций. Кроме того, они проводят и участвуют в местных кампаниях, формируют биорегиональную идентичность, определяют несущую способность каждого экорегиона, устанавливают показатели для борьбы с изменением климата, исследуют стратегии и технологии, подходящие для каждого места.

Департамент биорегиона занимается просвещением в области биорегионализма и созданием сети взаимозависимых биорегиональных движений по всему миру. Мы стремимся создать департаменты биорегионов в каждом биорегионе и экорегионе. Они имеют автономные руководящие группы, развивают сети членов, спонсируют проекты и группы для достижения поставленных целей.

Зачем нужен Департамент биорегиона?

Символы обладают большой силой. Не сами по себе, а благодаря силе и традициям, которые люди в них вкладывают. Мы являемся не государственным департаментом, а департаментом биорегионов, продвигаем биорегионализм в роли жизнеспособной альтернативы капитализму и национальному государству, предлагающей решения современных проблем планеты, исходя из конкретного места жительства.

Биорегионализм есть жизнь в связи с местом и в его пределах, устойчивым и этичным образом, а когда необходимо выйти за эти границы, - делать это ответственно. Биорегионализм является альтернативой доминирующим образам жизни на протяжении всего существования человечества. Данная философия была намеренно нарушена и стерта за последние несколько сотен лет, чтобы поддержать нарративы колониализма, национализма и капитализма, влекущие за собой неизбежное разделение, эксплуатацию, добычу и господство над природными ресурсами и социальные бедствия.

Наша цель — создать команды картографов, географов и организаторов на низовом уровне, опровергнуть вредный и токсичный язык, нарративы и символы, а также изменить доминирующие структуры власти на более здоровый и необходимый образ жизни. Мы хотим по всему миру развивать биорегиональные движения, в которых хранится наша собственная информация и модели. Каждая организация отвечает за отдельный биорегион и экорегион. Никаких политических или экономических мотивов, кроме улучшения благосостояния наших жителей и планеты. Департамент доступен для всех — не отгорожен, как это часто бывает с научными центрами, от жизни обычных людей или от реальности политических процессов.

Департаменты будут на короткой ноге с фермерами, шахтерами, планировщиками и главами правительств, и они смогут слушать и разговаривать со всеми ними.

Мы все являемся теми экспертами, которых мы так долго ждали. Мы должны быть лидерами, выполняющими тяжелую работу, чтобы начать восстанавливать связь и укорениться в тех местах, где мы живем. Сместив рамки с колониальных нарративов на биорегиональные, мы можем вести диалог и занимать пространство так, как мы не смогли бы это сделать в противном случае. Да и для нас самих меняется то, как мы думаем, действуем и реагируем.

Каждая карта — это воображаемая география. Какой реальностью, каким видением вы хотите поделиться? Используя принципы биорегионализма, как бы выглядели на ней департаменты биорегионов? Как бы мы реагировали на различные проблемы? Как мы работаем с коренными организаторами, чтобы создать движение? Какова численность населения или ВВП? Каковы реки, водоразделы, леса и т. д.? Сейчас мы собираем эту информацию — и удивительно, что ее нет в существующих колониальных структурах, многие из них веками уничтожали любые свидетельства биорегиональных культур и образа жизни. Правительства и корпорации имеют конкретные экономические и политические программы, они продвигают свое видение, создавая карты, информацию и находя соответствующие ресурсы. Мы создаем эффективные контрнарративы, вдохновляющие на необходимые изменения.

В конечном итоге, институты имеют свою собственную власть, традиции и язык. Подрывая и наполняя их биорегионализмом, нашими собственными принципами, мы начинаем сдвиг в этом направлении. Сообщества строят эти связи через общий язык и культурные ценности — музыку, спорт, работу, хобби, интересы, мероприятия, собрания, развлечения, скорбь — передаваемые через общие средства массовой информации и события. По аналогии с нациями, они воспроизводят себя через карты, символы, визуальные средства и общие истории.

Американская и канадская идентичность основана на потребительстве, росте и «явном предназначении», — все это заложено в существующих моделях. Создавая свои собственные символы, свои собственные нарративы, мы можем начать процесс деконструкции этих вредных систем и представить себе, как могут выглядеть истинные и справедливые альтернативы.

Так какую планету и какое будущее вы хотели бы видеть? Присоединяйтесь к нам, чтобы воплотить это в реальность.

Что такое биорегиональное картографирование?

Биорегиональное картографирование — это процесс создания карт, на которых культурная и географическая информация отображается в рамках естественных границ и рубежей, а не

антропоцентрических линий, вырванных из контекста места. Карты не являются нейтральными. Многие современные карты создаются правительствами или экономическими организациями для отражения своих интересов и укрепления своего мировоззрения. Биорегиональное картографирование позволяет нам вернуть картографирование для наших собственных целей и сообществ.

Биорегиональные карты

Мы можем отразить физические реалии и потребности жителей региона, разработать измеримые биорегиональные рамки для более здорового общества, способного жить в условиях и с ограничениями для каждого региона.

Биорегиональное картографирование — общинный и партиципативный процесс создания карт. Карта объединяет экологическую и физическую информацию с социальной и культурной информацией в пределах определенного места, как это определено теми, кто там живет, или общинами, на которые это оказывает наибольшее влияние. Это традиция, уходящая корнями в тысячелетия, вдохновленная бесчисленными формами картографирования коренных народов, и прямой и современный ответ на исчезновение местных культур в условиях нынешних экологических, экономических и социальных кризисов.

Создание лучшего мира есть нечто большее, чем просто абстрактные принципы и идеи. Если мы хотим построить этот мир, нужно знать, как связать его с нашим обществом и местом жительства. Мы хотим демократизировать экономические и политические системы, а потому должны начать демократизировать и локализовать наши собственные карты.

Биорегиональные карты составляются на основе того, что они считают важным, а не на основе того, что представляет наибольший экономический или национальный интерес. Вместо высококвалифицированных и высокооплачиваемых экспертов мы возвращаем ответственность и обучение в наши собственные руки — мы все являемся экспертами. Благодаря знанию наших собственных задних дворов, разрушаются произвольные и национальные границы, - негативные и токсичные. Новая карта ведет к путям повторного заселения через подрывную силу места.

“ Атлас следует использовать как отправную точку для принятия решений о будущем. Какие действия можно предпринять для достижения устойчивого процветания, исходя из целостного образа места, который передают карты в совокупности? Какие приоритеты вытекают из обзора поврежденных земель и нерешенных социальных проблем? Какой недоиспользованный потенциал можно задействовать для достижения устойчивости? Атлас может стать центром дискуссий по разработке проактивного плана позитивных изменений».

Шейла Харрингтон, "Дать земле голос: картографирование наших родных мест (1995), остров Солт-Спринг, Британская Колумбия".

Не существует хорошего или плохого картографирования. Есть разные стили карт, передающие разные наборы информации для разных целей. Деколонизируя наши процессы картографирования, мы используем его как инструмент для расширения возможностей целого поколения «босоногих картографов» — каждого человека, чтобы он мог больше узнать о том месте, где живет, и сформулировать пути к лучшему миру.

Отдельные люди и сообщества могут использовать биорегиональное картографирование для защиты «дорогого сердцу пространства», создания новых социальных мест, отражающих наши ценности. Происходящее на местах и в повседневной жизни сообщества не отображается на картах. Как мы можем составить карту будущего или ценностей, поделиться ею с другими, если мы не имеем четкого представления о своем собственном дворе или о том, что важно сейчас?

Хотя не каждая карта будет иметь масштаб биорегиона, вы можете расширить картографирование за пределы уровня участка, национальной или произвольной границы до района, природного, водораздела или другого региона, имеющего биологические и культурные границы.

Биорегиональное картографирование — это искусство заставить людей заботиться.

Цель биорегионального картографирования — помочь людям коллективно заново заселить континенты и биорегионы, в которых они живут. Оно поощряет здоровый и демократический образ жизни, самодостаточные сообщества, живущие в пределах устойчивой пропускной способности своего региона, и, более того, активно работающие над его восстановлением. Это также глубоко личный инструмент, поскольку человек фиксирует свои переживания, узнает родные места, становится экспертом и частью этого процесса.

Будучи этикой, основанной на месте, биорегионализм понуждает нас фундаментально переосмыслить отношения друг с другом и местами, в которых мы живем, не только по созданным людьми границам, но и с учетом взаимосвязанности всего целого; всех обитателей, а не только человеческого вида, живущего в данном месте. По этой причине биорегиональное картографирование является фундаментальным инструментом биорегионализма. С его помощью мы составляем карту источников воды, различных сообществ жителей, откуда берется их еда, куда уходят их отходы; местных растений, животных и того, как они могут меняться с сезонами.

Даже первые шаги могут быть невероятно мощными. Помогая кому-то лучше познать свой дом, мы бросаем вызов себе, чтобы переосмыслить наше отношение к месту, разрушить устоявшиеся ментальные и физические границы и, если все сделать правильно, побудить кого-то к заботе. Делая первые шаги, мы перестаем быть американцами или канадцами и становимся гражданами нашего района, водоразделов, биорегионов и мест, которые имеют для нас значение.

Биорегиональные карты эффективны, потому что культура проистекает из общих переживаний и забот, возникающих из совместного проживания в одном месте. Они используют знания и мудрость, полученные из понимания опыта взаимодействия с

нишевыми экосистемами места.

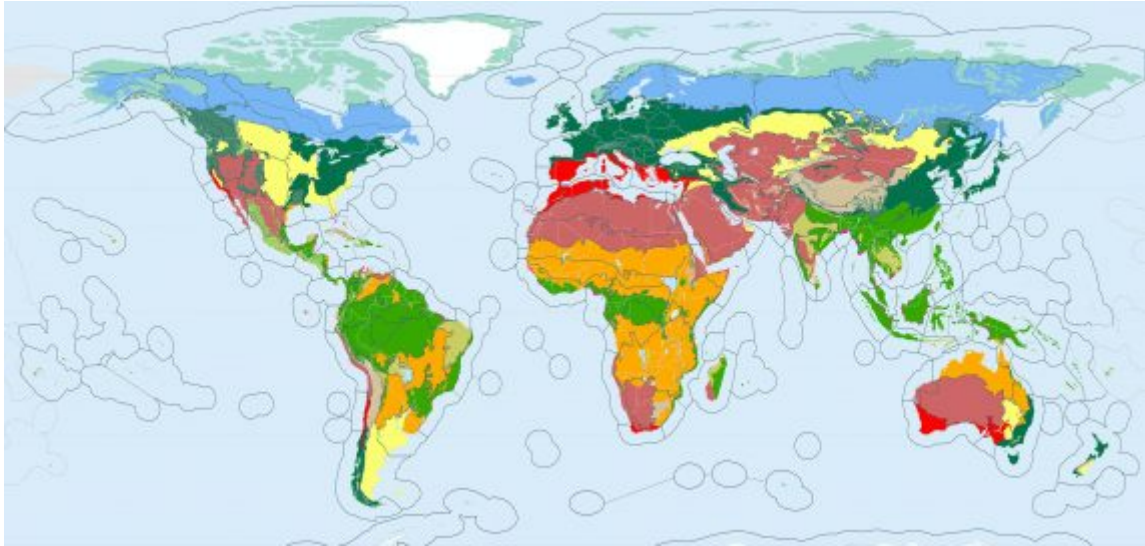
Помимо карты на экране или линий на бумаге, биорегиональные карты могут быть историями, рассказанными у костра, спетыми, танцуемыми, вышитыми, нарисованными, размещенными любым другим способом. Важной особенностью биорегиональной карты является ее связь со временем — историями из прошлого, важными вещами или группами, отображением восстановительного и устойчивого будущего. На основе этих карт сообществ мы можем создать найти подход к новым идеям, с конкретными шагами по их реализации. Биорегиональное картографирование, как правило, касается всего того, чего нет в современном картографировании, не отражено в картах Google или находится между дорожными картами межштатных автомагистралей, заправок и ресторанов быстрого питания.

Растения, деревья, животные, наши истории и жизненный опыт. Все, что делает место особенным. Последний небольшой участок старого леса в районе, последний куст боярышника, посаженный вашей бабушкой, сумасшедшая дама с курицами по соседству, лагерь бездомных внизу по улице или красочная фреска. Нерассказанные и забытые истории дискриминации, геноцида или ранних стратегий сопротивления, которые рассказывать сейчас важнее, чем когда-либо. Виды птиц или рыб, мигрирующих в зависимости от сезона. Реки, где плавают рыбы, или кусты, служащие уникальным местом гнездования для местных видов птиц. Истории о местах делают жизнь здесь особенной, определяют то, что мы считаем своим домом.

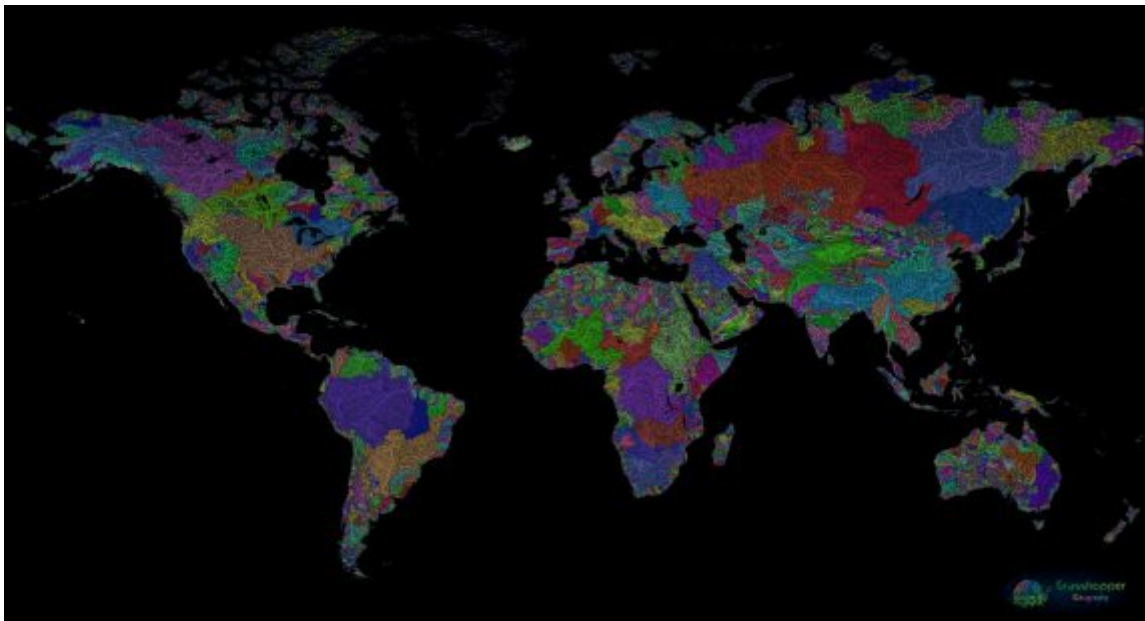
В конечном итоге, мы никогда не добьемся реальных изменений, работая в рамках картографии капитализма или национального государства, и не сможем построить будущее без четкого представления и формулировки. Понадобятся новые карты и новые процессы, в которых будем участвовать все мы. Наряду с необходимостью демократизации нашего образа жизни и общества, нужна и новая форма создания карт.

Составляя карты наших родных мест и особенных для нас вещей, мы бросаем вызов устоявшимся представлениям и прокладываем пути к новым реальностям и будущему.

Экологические карты и биорегиональные карты

Биорегиональные карты объединяют множество слоев, обозначая физические и культурные реалии того или иного места. Не все экологические карты или карты водоразделов являются биорегиональными картами. На экологических картах в качестве основы используются только биомы, наземные регионы или экорегионы определенного типа, часто упускаются уникальные ниши, присущие каждому месту. В приведенном выше примере из проекта «Биорегионы 2020» видно, что в Северной Африке большие биорегиональные полосы простираются от моря до моря, игнорируя важные водоразделы, например реку Нил, и тысячелетние культуры.

Даже эта красивая карта водоразделов мира, созданная Робертом Суцом, не является полностью биорегиональной. Это лишь один из слоев. Только когда соединяются многие слои, включая сообщества животных и растений, мы видим истинную биорегиональную карту. Когда слои объединяются, карта отражает географические, культурные, исторические и экологические реалии места и направляет нас к более подходящим для данного места способам жизни и технологиям, в действительно углеродно-нейтральную, неэкстрактивную и устойчивую структуру.

В конечном итоге нам нужно изменить подход к картографированию — то, как мы создаем наши карты, как видим себя на картах и как взаимодействуем с ними. Биорегиональное картографирование начинается с водоразделов, сообществ, живущих там, и продвигается вверх, а не просто создается небольшой группой людей, дающих ему название и заявляющих о своих правах на него. Каждая карта является политической и имеет свою цель. Биорегиональное картографирование — это возможность для каждого из нас и наших сообществ нанести на карту то, что мы считаем важным, зафиксировать то, чем мы хотим поделиться, изменить наше восприятие мира и действия в нем. Каждая карта вдохновляет воображение, отличаясь от карты, созданной в рамках национальных границ, и может изменить будущее.

Наши карты являются фантастической основой для изменения действий и позволяют людям подключаться на местном уровне, они являются примерами экологических карт. И хотя это отличный инструмент, помогающий закрепить и сосредоточить внимание учащихся на карте вне международного контекста или искусственных рамок, он может нанести вред, если использовать его в качестве основы для развития и инвестиций, не связывая с другими элементами.

Почему биорегиональное картографирование так важно?

Ежедневно более 200 миллионов человек используют приложения Google Maps, Waze, Apple Maps и Map Quest. Ежемесячно их число превышает миллиард пользователей по всему миру. В своем стремлении к получению данных с секундной точностью, эти карты превосходят даже предсказание Борхеса. Благодаря использованию отслеживания в реальном времени, спутниковой обратной связи, сложных алгоритмов в сочетании с постоянно растущей вычислительной мощностью, они способны создавать симуляции и прогнозы реального мира.

Для миллионов людей цифровые карты стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Путешествуя на машине из дома на работу, на обед, за покупками, на вечернюю прогулку, а затем обратно домой, цифровые проекции помогают взаимодействовать с окружающим миром. Кто определяет эти карты? Что и с какой целью в них включается или исключается? Это имеет серьезные последствия для нашего общества.

Цифровые карты, вид улиц, политические границы, инфографика. Влиятельные образы, правда которых редко подвергается сомнению. И все же, карты не являются неотъемлемой частью реальности, не являются нейтральными, не формируются органично. Скорее, они проектируются, конструируются с помощью символов и значков для передачи информации, которую кто-то решил включить, вероятно, чтобы наилучшим образом донести свое послание, миссию и цель.

В условиях постоянно растущей опасности для мира многие из нас приходят к выводу, что в ближайшее время надо найти решение. Каждый из нас может сыграть свою роль в этом путешествии. Именно от нас зависит создание здоровых, пригодных для жизни, демократических сообществ, которые восстанавливают почвы, леса, океаны и биорегионы.

За последние два десятилетия население мира увеличилось на 25 %. С 1970 года оно увеличилось более чем вдвое. Сегодня в мире все больше и больше людей никогда не видят старых деревьев или живут в городских джунглях из искусственных конструкций стали, дерева, стекла и бетона. Как видно на картах, наша связь и отношения с местом становятся все более глобальными и стандартизированными, но оторванными от особенностей места. Наши впечатления становятся такими же, как у других людей, которые посещали те же магазины, кафе и дорожки. И все чаще наши карты отражают это.

Сегодня карты стали инструментом в интересах правительств и экономических организаций. Картографические экосистемы определяют наше взаимодействие и восприятие пространства, упрощают их использование и позволяют быстро перемещаться из одной точки в другую, не останавливаясь для погружения в места, расположенные между ними. Хотя у нас под рукой больше информации, чем когда-либо прежде, мы теряем способность расставлять приоритеты и делиться информацией значимым образом, а не просто абстрактными формами данных, скомпилированными новыми и интересными способами.

Картография — не просто место, а общий визуальный язык. С его помощью мы передаем наш опыт, прожитые реальности, нарративы, отношения друг к другу и к миру, как мы его понимаем. Это важные для нас и общества модели мира. Они передают конкретные значения, что мы можем увидеть через фильтр нашего окружения, культуры и опыта.

Часто наши впечатления от места становятся метаданными, отмечаются, отслеживаются и продаются, с спонсорскими ссылками, связывающими нас с ближайшим платным спонсором. Карты служат для облегчения транспортировки товаров и услуг, как человеческих, так и неживых, чтобы поддерживать движение артерий коммерции. В потребительском обществе картография стала инструментом, предназначенным в первую очередь для власти имущих, — проецировать их видение, обозначать частную собственность отдельных лиц и национального государства. В глобальном масштабе эти карты служат силой, которая гомогенизирует и концентрирует тысячи уникальных культур в одну определенную монокультуру — один глобальный рынок.

Кроме того, создание карт считается исключительной прерогативой «экспертов», которые используют для этого сложные технологии. Для многих людей термин «карта» ассоциируется со статичными и безжизненными линиями на бумаге, фактами, вырванными из контекста, или новейшими приложениями, которые помогают нам добраться из точки А в точку Б за минимальное время. Для этого требуются сложные инструменты, спутники, годы обучения, тысячи долларов.

С помощью контроля эти карты становятся проекциями пространства и власти. Сообщества, экосистемы и окружающая среда делятся на новые сетки реальности. На этих картах часто встречаются линии тротуаров, бетонные здания, корпоративные и государственные учреждения, случайно нарисованные прямые линии, разграничивающие переход от одной воображаемой сущности к другой. Мы передали способность и ответственность за создание карт. В результате, при имеющемся доступе к их большому количеству, мы утратили способность концептуализировать и соотносить пространства вокруг, определять

приоритетность важной информации, контролировать то, что попадает на наши карты, куда попадает наша личная и общественная информация, и мы меньше, чем когда-либо, связаны с действительно важными вещами в пространстве.

Чего не хватает в цифровых представлениях о мире? Всего того, что определяет жизненный опыт.

Биорегиональное картографирование: для общего блага

“ Атлас следует взять за отправную точку в принятии решений о будущем. Какие меры нужны для достижения устойчивого процветания, исходя из целостного представления о месте, которое нам в совокупности дают карты? Какие приоритеты вытекают из обзора поврежденных земель и нерешенных социальных проблем? Какой недоиспользованный потенциал можно задействовать для достижения устойчивости? Атлас может стать центром дискуссий о разработке проактивного плана позитивных изменений.

Шейла Харрингтон, "Дать земле голос: картографирование наших родных мест" (1995), остров Солт-Спринг, Британская Колумбия

Биорегиональное картографирование предлагает альтернативный подход к созданию и использованию карт. В то время как традиционное картографирование зависит от экспертов-картографов, биорегиональное картографирование осуществляется обычными гражданами. В процессе картографических исследований мы заново открываем для себя локальные места.

Как этика, основанная на месте, биорегионализм заставляет нас фундаментально переосмыслить наши отношения друг с другом и с местом жительства, не только с точки зрения созданных человеком границ, но и с точки зрения взаимосвязанного целого; всех обитателей, а не только людей, живущих в данном месте. Биорегиональное картографирование возвращает контроль над картой в руки граждан, жителей, обитателей.

Определяющим фактором любого биорегионального общества является то, местные жители должны обладать знаниями и пониманием основных несущих способностей биорегионов, в которых они живут. Таким образом, биорегионализм определяется не утопическими принципами того, чего не было, а скорее эволюцией лучшего из того, что мы имеем в настоящее время, руководствуясь принципами и примерами успеха из прошлого.

Составление карт наших биорегионов, водосборных бассейнов и домов является первым шагом к разработке новых форм биорегионального управления. Биорегиональная картография:

1. Разрушает существующие границы, которые являются произвольными, негативными, антропоцентричными и нерепрезентативными для места и людей.

2. Обучает каждого человека окружающей среде, традиционным способам жизни, культуре и истории.

3. Предлагает каждому человеку представить себе, как будет выглядеть более демократическое, справедливое и восстановительное будущее, используя уроки, извлеченные из собственного региона, а также собственный социальный контекст, организации и опыт.

4. Дает каждому человеку возможность стать агентом перемен, мощным инструментом деколонизации. Биорегиональная картография способна дать нам новую структуру и основу для переосмысления, как может выглядеть наше общество и управление. Мы приводим экономические и политические институты в соответствие с регенеративной несущей способностью наших биорегионов.

Создание лучшего мира — это больше, чем просто абстрактные принципы и идеи. Если мы хотим построить этот мир, нам нужно знать, как связать его с нашим обществом и местом жительства. Если мы хотим демократизировать экономические и политические системы, то должны начать демократизировать и локализовать наши собственные карты — в том, как мы получаем и получаем информацию, как связаны и относимся к нашим родным местам.

Биорегиональные карты составляются на основе того, что они считается важным, а не на основе наибольшего экономического или национального интереса. Вместо высококвалифицированных и высокооплачиваемых экспертов мы возвращаем ответственность и обучение в собственные руки — мы все являемся экспертами. Знание наших собственных задних дворов разрушает произвольные и национальные границы и ведет к повторному заселению через подрывную силу места.

Не существует хороших или плохих карт. Есть только разные стили карт, которые передают разные наборы информации для разных целей. Деколонизируя наши процессы картографирования, мы используем картографирование как инструмент для расширения возможностей целого поколения босоногих картографов — каждого человека, чтобы он мог больше узнать о том месте, где живет, и концептуализировать пути к лучшему миру.

Отдельные люди и сообщества могут использовать биорегиональное картографирование для защиты «дорогих им мест» и создания новых общественных пространств, отражающих наши ценности. Для многих сообществ то, что происходит на местах и в повседневной жизни сообщества, не отображено на картах. Как мы можем наметить будущее или ценности, если мы не имеем четкого представления о наших собственных задворках или о том, что важно сейчас?

Мы призываем каждого из вас стать биорегиональным картографом: любителем-картографом, использующим инструменты и символы картографии для создания и перенесения «логотипа» страны в биорегиональный, природный и общинный контекст.

Что такое картографирование коренных народов?

Слишком долго коренные народы были исключены из карт. Мы меняем эту ситуацию.

– *Стив ДеРой, основатель Воркшопа по картографированию коренных народов*

Картографирование – мощный инструмент, который хранит истории. Но кто контролирует повествование? Исторически карты создавались профессиональными картографами, многие из них играли большую роль в колонизации. Карты сформировали образ, как многие из нас видят мир сегодня. Конечно, это вызывает вопросы: кто или что остается за пределами карты и как это можно изменить?

В картографировании коренных народов они владеют, контролируют, имеют доступ и обладают географической информацией и процессами картографирования. Для многих народов это также важный шаг к возвращению стертых с карт территорий, бесценный инструмент в судебных делах по признанию их наследия и прав по договорам.

Возвращение земель коренных народов с помощью картографирования

Для многих коренных общин картографирование играет большую роль в возвращении их земель. Оно не является чем-то новым для коренных народов. Некоторые из самых ранних карт мира можно увидеть в наскальных рисунках или услышать в рассказах, передаваемых из поколения в поколение. Сегодня многие коренные общины на Черепашьем острове и за его пределами используют картографирование для отслеживания традиционных знаний о своих землях и водах.

Они используют биорегиональное картографирование вместо того, чтобы полагаться на западные карты, которые часто служат для демонстрации и укрепления политического и экономического контроля — городов, дорог, автомагистралей, железных дорог, федеральных и государственных обозначений. Новые карты могут показывать священные места, пути лосей или карибу, лучшие места для ловли определенных видов рыб, места сбора традиционных лекарственных растений и многое другое. Часто они используются, когда на землях коренных народов предлагается реализовать крупные проекты по добыче полезных ископаемых; они иллюстрируют потенциальное воздействие этих проектов на окружающую среду и образ жизни сообществ. Эти методы позволяют создавать более целостные карты, включающие в себя семейную историю, культуру, рассказы, территориальный контроль, миграцию животных, сезонные различия и богатые данные, связанные с окружающей средой, топографией и географией.

Биорегиональное картографирование и картографирование коренных народов

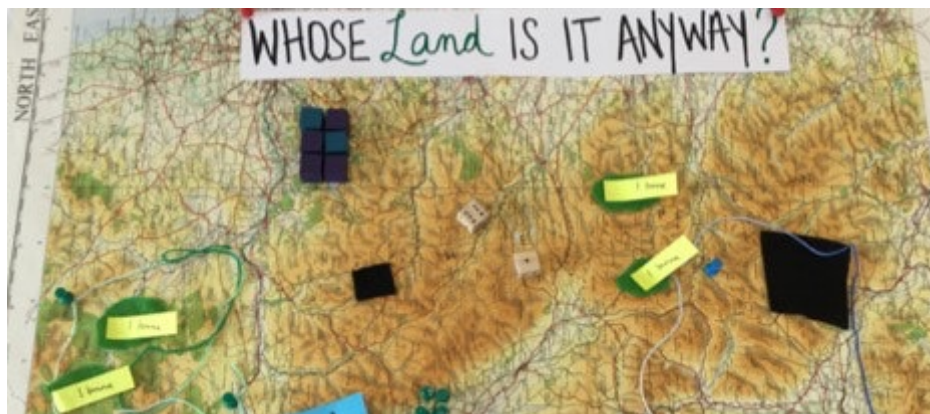
Картографирование коренных народов — это форма биорегионального картографирования с конкретным контекстом и использованием, при котором общины коренных народов владеют, контролируют, имеют доступ и обладают как географической информацией, так и процессами картографирования. Оно помогает защитить знания и благополучие общины, используется для сохранения знаний и контроля коренных народов в сферах, где традиционные знания и образ жизни не имеют такого же правового статуса, как

колониальные практики.

Биорегиональное картографирование — это народная техника и метод создания карт, которые подойдут для любого сообщества или организатора, чтобы помочь людям лучше узнать свое место. Биорегиональные карты являются формой контркартографирования. Они передают ощущение места, времени, истории и повествования. Они помогают вновь утвердить контроль и восприятие пространственной географии. Эти две области играют все более важную роль в оспаривании доминирующих нарративов, используя карты в качестве народных инструментов сопротивления и демократии, утверждая голоса и контроль над территорией тех, кто часто оттесняется на обочину «официальных» правительственных и корпоративных практик, переосмысливая пространственные реалии и будущее.

Взгляды коренных народов на территории и ресурсы через пространственные представления чрезвычайно важны для современных проблем устойчивого развития, прав человека и изменения климата. Многие коренные общины борются против добывающих отраслей, часто оказываясь на переднем крае противостояния с широкими и неотложными экологическими угрозами. Это глубоко взаимосвязанная проблема, в решении которой мы все должны принимать активное участие.

Картография как инструмент сопротивления

Чья же это земля? (составлено Шарлоттой Адамс, Кейтлин Кок, Мелиссой Кастрон, Томом Макгурком, Мэри Кейт Крейг, Себастьяном Какардом – август 2018 г.)

На протяжении последних нескольких сотен лет карты служили инструментом колонизации и государственного строительства. Они проецируют пространственное видение нации, которой легко управлять, планировать и подвергать милитаризации. Карты в основном использовались как инструменты накопления и контроля со стороны государства, промышленности, церкви и других влиятельных институтов. Интересы и потребности подчиненных слоев населения игнорировались. Домены оставались в сфере компетенции «экспертов» и даже сегодня отражают приоритеты тех, кто часто может позволить себе их создавать. Для правительств это означает определение политических административных единиц.

Мы утверждаем, что картографирование можно вернуть и использовать для достижения социальной справедливости. Наши проекты противодействия картографированию имеют

прогрессивные цели. Мы хотим артикулировать пространство для адекватного представления повседневной географии в местах, где проживают, в том числе, маргинализированные группы населения. Карта предоставляет возможность для критики неолиберальных проектов, построения более прочных альянсов между группами для разоблачения злонамеренной географии накопления и лишения. Биорегиональные проекты демонстрируют широкое многообразие контркартографических инициатив, часто предполагают взаимодействие между различными секторами, от студентов университетов до общественных организаций.

Контркартография объединяет эти многочисленные представления о пространстве. Она является противоядием от фиксированного и окончательного разделения пространства государством. Контркартография рассматривает карты как процессы и встречи, признает одновременное существование множественных пространств. Путем контркартографирования национальных пространств развития мы разоблачаем спорные представления об этом развитии. Мы считаем методы участия и искусство творческими и эффективными средствами контркартографирования, бросающими вызов пространственному видению государства.

Версия #28

Зверобой создал 26 сентября 2025 10:10:24

Зверобой обновил 15 декабря 2025 00:00:41